

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДИСКОРАМА

Бронебойщик

Алекс Орлов

Дискорама

«Автор»

2012

Орлов А.

Дискорама / А. Орлов — «Автор», 2012 — (Бронебойщик)

Джек Стентон, уроженец слаборазвитой планеты и пилот собственного боевого робота, волею случая поступил на службу в корпоративный союз «Тардион», один из трех, участвующих в перманентной галактической войне. Верный «таргар», снабженный малокалиберной пушкой, не раз выручал Джека из беды, но судьба солдата полна сюрпризов. Чтобы перехватить стратегическую инициативу, «Тардион» затеял кардинальную перегруппировку сил, и рота, в которой служит Джек, отправляется на десантную операцию вместе с другими подразделениями. На карту поставлено все, ведь каждый клочок земли приходится вырывать с боем, а отступать некуда – транспорты повреждены огнем врага...

Алекс Орлов

Дискорама

1

Джеку и в голову не приходило, что бывают летательные аппараты таких размеров. Нет, теоретически он допускал, что они есть, он даже видел что-то такое с большого расстояния, когда высаживался десант арконов в битве при Машинерии. Но одно дело предполагать и видеть издалека и совсем другое – самому грузиться на такой транспорт среди всей этой спешки, суеты, ругани и взаимоисключающих команд командира роты, командования батальона и дивизионного начальства, понаехавшего в каком-то неправдоподобном количестве.

– Рота Хольмера – в сектор пять-а!

– Рота Хольмера, куда вы претесь?! Ваш второй ярус – направо и там четыре-бэ!

А время бежало, снаружи подпирала техника прибывающих на погрузку подразделений, и все это представляло собой прекрасный шанс для арконских штурмовиков показать себя.

В конце концов рота Хольмера разместилась в десантном секторе и пилотам пришлось самим, в бешеном темпе, крепить растяжками свои машины, потому что стропальщиков на всех здесь не хватало.

Спустя полтора часа лихорадочной работы дискорама была забита под завязку, а Джеку удалось найти местечко у иллюминатора, куда его пустил Папа Рико.

– Садись, тебе интересно будет, ты ведь на этой штуковине еще не летал?

– Нет! А ты летал?

– Да, это уже третий раз будет... Лишь бы сесть дали.

Все то время, пока проходила погрузка дискорамы, ее охраняли расположенные по периметру, метрах в двухстах от корабля, гусеничные платформы «омо», каждая величиной с десантный вертолет. Они топорщились по сторонам замершими на направляющих ракетами, а на выносных мачтах без остановки крутились антенны радаров.

Эти ракеты доставали до стратосферы и немного выше, не позволяя спутникам-бомберам спускаться для сброса самонаводящихся бомб.

За кольцом ракетных ПВО-платформ топтались зенитные «аметисты» – близкие родственники «чино», у которых вместо пушек были установлены шестиствольные артавтоматы большого калибра. «Аметисты» разбирались с целями, мелковатыми для платформ «омо», и надежно прикрывали район от проникновения пилотируемых штурмовиков.

Все это Джек смог рассмотреть только теперь, после окончания погрузочных работ.

День был солнечный, в небе ни единого облачка, и оптические блоки на массивных корпусах «аметистов» могли разглядеть в прозрачной вышине все, что хотели.

«Дармоеды», – подумал Джек, по мнению которого присутствие такого количества техники было неоправданно. Человек сельского склада, он был прижимист на расходы, в том числе и в масштабах всего Промышленного союза.

Ну зачем они нагнали полсотни этих машин, если можно обойтись дюжиной?

«Так и уедут с промасленными стволами», – подумал он и решил, что обязательно посчитает все машины сверху, когда дискорама поднимется.

Спустя четверть часа корпус транспорта вздрогнул, словно от судороги, где-то снаружи зарокотали турбины, и вся эта масса вдруг сдвинулась с места и, вопреки ожиданиям Джека, заскользила по горизонтали.

Взметнувшийся песок тотчас закрыл вид за окном, но, прежде чем пыльная буря окончательно все застила, Джек увидел, как, вздрогнув, закрутились роторные пушки «амети-

стов», но куда они стреляли, было непонятно. Дискорама скользила все быстрее, подрагивая, словно на огромных подушках. Затем двигатели взревели на максимальной мощности, и транспорт-гигант стал медленно набирать высоту.

2

Пилоты сидели кто на лавках, кто на ребристом полу – поверх брошенных курток. Боевые машины подрагивали в натянутых, как струна, стяжках.

Поскрипывала оснастка, пощелкивали крепления платформ, а Джек смотрел вниз, на мелькавшие где-то там красноватые скалы, образовавшиеся за последние пару тысяч лет из-за ветровой эрозии.

Ландшафт был непривычный – куда подевались ставшие родными дюны? Джек почти тосковал по этим песчаным волнам, как моряк по морю.

«Ну и как здесь воевать?» – удивлялся он, глядя на изрезанную каньонами красную глинистую землю. Наверное, так же выглядела поверхность необитаемых планет, где не выживало ни одно живое существо, кроме бактерий-соларофагов.

– Ну, наконец-то наступление! – произнес кто-то, и Джек вздохнул. Да, наступление, о котором говорили последние две недели.

Поначалу даже не верилось, ведь эти слухи возникали не впервой, но всякий раз что-то мешало, наступление откладывалось, а арконы продолжали давить, добывая последние, самые устойчивые форты.

Но потом пришел приказ – через три дня сниматься со всей материальной базой. Техпарк обещали перебросить позже, а всю ударную технику подготавливали к высадке.

За сутки до погрузки стало известно, что высаживать будут десантом – сразу в бой, и пилоты замучили Хольмера, требуя подробностей, хотя он ничего не знал.

Ничего не знали даже в батальоне, офицер оперативного отдела лишь лопотал что-то про обстановку, ориентирование на местности и прочее.

– Возможно, из дивизии пришлют какие-то указания перед погрузкой, – предположил он не слишком уверенно.

– А если не пришлют, сэр? – давил Хольмер.

– Ну... могут даже в полете... Времени разобраться будет достаточно...

– Спасибо, сэр, – сухо попрощался с ним комроты и, отключив рапид, долго ругался вполголоса.

Какой смысл получать указания на борту транспорта, если саму посадку и общую укладку следует производить исходя именно из этих указаний? Если отбрасывать противника «гас-сами», они должны грузиться последними, а если сдерживать пушками «чино», тогда этих топтунов нужно ставить ближе к аппаратам. Бардак, одним словом. Полный бардак.

В утро отправки пилоты снова насели на ротного, требуя диспозиции, и тот был вынужден признаться, что никакой диспозиции нет. Затем последовал часовой марш к месту старта и суетная погрузка. Настроение у всех окончательно испортилось. Люди как могли пытались отвлечься и старательно смеялись над старыми, по сто раз слышанными анекдотами.

Джек посмотрел на ротного, который сидел на отдельном, «шкиперском» стульчике и делал вид, что расслабленно отдыхает; однако беспокойные руки выдавали Хольмера, он не знал, куда их деть, и поглядывал в сторону своего «гасса».

Капитану казалось, что одна из строп затянута слабо, ему хотелось встать и проверить ее, однако он понимал, что, скорее всего, просто нервничает, и если вскочит и побежит проверять, то же начнут делать и другие. И получится массовый навязчивый невроз накануне высадки в бой – хуже не придумаешь. Вот так.

– Пожрать у кого-нибудь найдется? – нашелся капитан, чтобы как-то скрыть свое состояние. Лучше бы, конечно, махнуть двести грамм коньяку или даже четырехста, но пьяным в бой Хольмер не ходил. Он отвечал не только за себя, на нем была вся рота.

На той же платформе, но на два сектора дальше размещалась вторая рота. Вскоре оттуда, лавируя между растяжками и опорами роботов, пришел командир второй роты Бисмарк. Он остановился неподалеку и, подождав, когда Хольмер обратит на него внимание, поманил рукой и отошел на нейтральную территорию, заваленную контейнерами с боекомплектom.

– Ну, как там твои? – спросил Бисмарк, когда они остановились возле стопки ящиков.

– Хреново. Никто же ничего не знает...

– А я тут кое-что выяснил... – сказал Бисмарк и огляделся, как будто боялся, что их подслушают.

– Ну, не томи.

– Знаю, что лететь нам два с половиной часа.

– Откуда узнал?

– Штурману местному закурить дал, мы поболтали, ну он и высказался...

– Что говорил? Что там за места?

– Вроде песок есть...

– Песок – это хорошо, – вздохнул Хольмер, засовывая руки в карманы. – Что еще?

– Говорит, есть лес. Но это в том случае, если мы зацепимся.

– А можем не зацепиться?

Бисмарк пожал плечами и снова огляделся.

– Штурман сказал, что арконов окучивают уже вторые сутки – плацдарм набивают. Говорит, дым столбом стоит, а прошлым рейсом перебросили четыре «голиафа»...

– Ни хрена себе! – воскликнул Хольмер и даже хохотнул. – Значит, все серьезно!

– Серьезно, если этих «голиафов» штурмовики не накрыли. Парень жаловался, что тесно там в небе. Арконы за нашими не поспевают, ну и бросают в ход всю воздушную кавалерию.

– Так уж и всю?

Бисмарк пожал плечами.

– Приедем через два часа и узнаем. Ладно, пойду к своим, а то они тоже, как дети малые, всего боятся.

– Обстановка непривычная, это тебе не «середняк».

– Да, не «середняк», – согласился Бисмарк и пошел к себе, а Хольмер вернулся к своим пилотам.

– Сэр, вот, нашлась шоколадная плитка! – сказал ему пилот Новинский, поднимаясь навстречу и протягивая пайковый батончик.

– Зачем? – не понял Хольмер.

– Вы же поесть просили...

– Ах да, совсем забыл, но я лишь половинку возьму, больше мне не одолеть.

Капитан разломил батончик и вернулся на «шкиперский» стул, откуда, посасывая шоколадку, стал посматривать на Новинского, который служил в роте вторую неделю и осваивал вернувшийся из ремонта «гасс» Сиды Хардина. А тот пока находился в госпитале.

Кое-какая школа у Новинского была, и «гасс» он водил неплохо, а вот со стрельбой на дальние дистанции были проблемы, хотя пятьсот метров и тысячу двести он освоил хорошо. Имелся и другой затык – Новинский еще не нюхал порох, и неизвестно было, как он поведет себя в реальном бою.

До назначения парень закончил «учебку» по укороченной программе, а до этого служил в охране воинских грузов. Из личного дела было понятно, что под обстрелом бывал, в обороне груза участие принимал. Но это дело пехотное – забился в щель и сиди, пока обстрел не прекратится, а потом вылази и стреляй. А в кабине робота такой паузы, когда можно собраться

и перевести дух, нет. Следует все время вертеться, стрелять, стрелять и еще раз стрелять, не забывая выводить машину с линии огня, и не пропадать в эфире, когда все кругом орут, командир отдает приказ, а пилот вдруг ничего этого не слышит, занятый стрельбой и маневрированием.

Нужно успевать делать все, а иначе толку не будет, пример тому Том Сиджис, прибывший из пехоты полтора месяца назад. И умница, и в железках разбирается, и стреляет с основного орудия так, что можно только порадоваться. А вот в бою путается. Дважды вывозили его на незначительные задания, но всякий раз парень впадал в ступор, и не из-за страха – капитан видел это, просто он не успевал делать все сразу, ему была нужна «пехотная передышка», которой у пилотов не было.

Но Том не пропал, он достался Берту Тильгаузену, который за пристрастие новичка к разборке железок сразу признал в нем своего, так что в этом случае талант сгодился в дело.

3

О том, что они приближаются к месту высадки, Джек начал догадываться сам, когда транспортная дискорама все чаще стала пересекать облака высоко поднявшейся пыли. Ничего особенного при этом не происходило, лишь панорама в иллюминаторе слегка затуманивалась на десяток секунд, а затем снова прояснялась, но, глядя вниз, Джек видел длинные, размытые ветром шлейфы, которые определенно были подняты долгими артобстрелами или бомбардировкой. И то, и другое свидетельствовало о высоком уровне противостояния.

Не нужно быть дипломированным стратегом, чтобы понять: переброска такого количества войск не могла пройти незаметно, поэтому даже место для посадки дискорамы тардионам приходилось отбивать у противника в открытом бою.

Через полтора часа полета за бортом дискорамы были уже сплошные пыльные бури, а параллельным курсом с ней следовали штурмовики «барракуды». Часть из них, раскрашенные в черно-желтую маскировочную гамму, несли вооружение «воздух – земля» и были загружены сверх всякой меры, а примерно треть машин, зелено-голубой раскраски, были приспособлены к воздушным схваткам. В носовой части у них имелась роторная пушка в бронированном чехле, а под крыльями и на корпусе – множество цилиндрических контейнеров, забитых малокалиберными ракетами «воздух – воздух».

Почему-то Джек сразу подумал, что эти – в светлых «барракудах», считают себя элитой, а те, в желто-черных, злятся на них за это и не всегда летуны ладят на земле, зато в бою им приходится драться бок о бок.

Черно-желтые утюжили цели на земле, прикрывая зелено-голубых от ракетных комплексов и кусачих зениток, а те, в свою очередь, бросались наперехват арконовским облегченным «джорджо», которые группами охотились на тяжелых от бомб черно-желтых «барракуд».

«Наверное, как у нас», – подумал Джек, вспоминая о постоянной пикировке между пилотами «гассов» и «греев».

Между тем капитан Хольмер начал наконец получать указания начальства.

– Внимание, рота! До высадки двадцать минут! Подойти к машинам и подготовиться к снятию стяжек! Первыми будут сгружаться «гассы», за ними – «чино»! «Греи» должны быть в готовности выдвинуться с флангов и прикрыть высадку от авиации противника!

Пилоты повскакивали, загомонили, но из-за нескончаемого гула двигателей это походило на пантомиму. На других площадках персонал тоже побежал к машинам, и за несколько секунд вся платформа превратилась в подобие растревоженного муравейника.

Джек оставался возле иллюминатора. Его «таргар» стоял у самой стены, и у него была еще куча времени, поскольку и стяжек было меньше, и на высадку он шел в последнюю очередь. Это даже хорошо, что будет время осмотреться.

Тем временем ситуация за бортом быстро менялась. Висевшие на параллельном курсе «барракуды» вдруг метнулись кто куда, и Джеку стало страшновато – ему показалось, что их бросили. Однако это было не так: вскоре он сумел рассмотреть мельтешение черных точек – где-то далеко, у самого горизонта. Очевидно, это был воздушный бой, время от времени там расцветали красивые, словно цветы, огненные вспышки, веером разлетались разноцветные трассеры и сыпались вниз горящие обломки.

Дискорама здесь встречали неприветливо.

– Как там, горячо? – спросил Баркли, оттесняя Джека от иллюминатора. – Ох, ни хрена себе!

И тут же, оставив Джека, убежал растреноживать своего скакуна.

4

Дискорама стала быстро снижаться – то ли так было задумано, то ли ситуация в воздухе складывалась скверная. Джек подозревал второе, поскольку далекие мельтешащие точки стали значительно жирнее и теперь до них было рукой подать, а это значило, что оборонявшие транспорт силы оказались слабее арконских.

– Внимание, до высадки четыре минуты! – сообщил капитан Хольмер, стоя у опор своего «гасса».

Время стремительно сжималось, и обстоятельства подхлестывали пилотов дискорама поскорее совершить посадку. А пилоты роботов отчаянно вертели сгонные гайки стяжек, оставляя машины только на двух струнах.

Снимать все стяжки сейчас было нельзя: кто его знает, вдруг посадка будет жесткой, тогда многотонные машины могут сорваться с места и устроить в трюме разгром.

Пока о таком рассказывалось только в инструкциях, но каждый пилот понимал, что это возможно.

Внезапно весь корпус огромного транспорта содрогнулся от мощного удара, двигатели потеряли обороты, и дискорама как будто просела. На мгновение Джеку показалось, что они падают, но затем двигатели вновь стали набирать обороты, и Джек снова выглянул в иллюминатор.

Однако лучше бы он этого не делал, потому что в этот момент зелено-голубая «барракуда» разлетелась на куски всего в сотне метров от дискорама.

Казалось, это была последняя их защита и теперь проворным «джорджо» никто не мешал разделаться с перегруженным транспортом, но вдруг в огненной карусели закрутились полтора десятка новых сине-зеленых «барракуд», «джорджо» бросились врассыпную, получая удары ракет и теряя куски обшивки. Черный дым и пламя раскрасили все до самого горизонта, и Джек облегченно вздохнул, решив, что тардионы окончательно победили, однако он поспешил.

Раздался оглушительный треск, Джеку показалось, будто десяток стяжек разом оборвались, не выдержав нагрузки, но стяжки были ни при чем. Оглушительный грохот, покрывший вой подраненных движков дискорама, был вызван ракетой, которая пробила корпус судна да так и осталась торчать в стене, выставив напоказ закругленный нос неразорвавшейся боевой части.

За толщей иллюминатора полыхнул вспышкой дерзкий «джорджо», пораженный пушками тардионских «барракуд», однако он сделал свое дело: тысячефунтовая ракета торчала в боку дискорама, готовясь рвануть, как только придет подходящее настроение.

– Под стены!!! Всем под стены!!! – заорал капитан Хольмер, бросаясь к спасительным обшивкам. Внутри ракеты была шрапнель – чем ближе к ней, тем меньше вероятность, что зацепит. Но каково было второй роте, которая располагалась напротив этой боеголовки!

Джек рухнул возле лавки и закрыл голову руками, как будто это могло помочь. Ракета обязана была взорваться при касании борта, но что-то у нее не заладилось, и исполнение приговора было отложено на неопределенный срок.

Вторая рота растворилась без следа, они услышали крик Хольмера. Другие подразделения на платформе тоже кое-как сумели спрятаться, а затем Джек увидел из-под ладони вспышку и взлетевший «берг», который понесся через трюм, теряя опоры и манипуляторы. За ним, болтая обрывками стяжек, пролетел какой-то мусор и обломки «грея». Все это врезалось в пустую стену, полыхнули искры перебитой электропроводки, и воцарилась абсолютная тишина, хотя мимо бегали люди, хлестала противопожарная пена и Хольмер с капитаном Бисмарком размахивали руками, призывая своих пилотов к машинам.

5

Повинуясь общему движению, Джек подбежал к «таргару» и принялся крутить стонную гайку на одной из стяжек. Он так увлекся, не замечая ничего вокруг, что сильно удивился, когда все вокруг крепко трянуло и «таргар» закачался на ослабленных стяжках.

Оказалось, что дискорама наконец села, но села нештатно, о чем свидетельствовала чуть перекошенная плоскость погрузочной платформы. Тем не менее огромные ворота открылись и аппарели стали раскладываться наружу, однако еще до того, как они встали на грунт, сгрудившиеся у выхода «гассы» незнакомого Джеку подразделения открыли шквальный огонь по не видимым пока целям.

И тут Джека так резануло по ушам этим грохотом, что он закашлялся.

Его будто пронзило разрядом молнии, и он скорчился от боли, однако в ту же секунду ватная тишина, в которой он пребывал, разорвалась грохотом орудий «гассов» и торопливой трескотней автоматических пушек «греев», которые ухитрились протискиваться между старшими братьями.

Высадка шла полным ходом.

– Стентон, не спать!

Это уже был Хирш. Он залез в кабину своего «грея», и в этот момент в трюм влетел снаряд. Он пробил стену насквозь и завяз где-то в машинном отделении, зато подстегнул десант, и роботы повалили наружу, прыгая с платформы сразу на грунт.

Враг торопился воспользоваться такой скученностью, засевающие на высотах роботы и танки били навскидку, попадая то по тардионским роботам, то по корпусу осевшей дискорамы.

– Стентон, слышишь меня?! – спросил лейтенант, когда Джек уже был в кабине «таргара».

– Слышу, сэр...

– Сейчас выскочишь, и триста метров вправо – там густой кустарник!

– А вы, сэр?! – крикнул Джек, стараясь перекричать многоголосие раскалившегося эфира.

– Там разберемся! Пошли, наши уже выходят!

Пришлось торопиться, поскольку вторая рота уже напирала – им тоже не терпелось покинуть железную коробку, которая оказалась не такой уж безопасной.

Цепляясь опорами за брошенные стяжки, Джек довел машину до аппарелей, а затем заставил ее прыгнуть, опасаясь, что в сутолоке его подстрелят. Снаряды здесь ложились очень густо, то и дело шваркая по изрубленным бортам дискорамы.

«Наверное, она уже не поднимется», – подумал Джек, и в этот момент над его кабиной ухнула пушка «гасса» капитана Бисмарка.

Помня наставления Хирша, Джек повернул вправо и понесся на дизеле и батарее так, что шум ветра перекрыл грохот канонады.

Здесь была незнакомая земля, здесь была незнакомая растительность, и то, что здесь называлось кустарником, в дюнах тянуло на молодой лес.

«Таргар» влетел в заросли, Джек опустил кабину, и в следующий момент чуть впереди в низину легли два снаряда. Осколки лязгнули по броне, Джек замер, но опасения были напрасными – маленький «таргар» никому не мешал, ведь Джека здесь еще не знали.

В него стреляли лишь потому, что он двигался – моторика артиллеристов, ничего более.

– Джек, ты как?! – крикнул капитан Хольмер, Джек едва узнал его сильно изменившийся голос.

– В порядке, сэр!

– Не отставай от колонны!

– Понял!

Что капитан подразумевал под колонной, понять было трудно, из трюмов дискорама разбежалось почти два батальона машин, которые прорывались теперь куда-то вперед – на высоты.

Транспорт сидел в низине, и противник на высотах имел заметное преимущество, хотя пушек у десанта было раза в четыре больше.

Джек решил продвигаться под прикрытием молодого леса и стал спускать «таргар» в балку, где даже имелось немного воды – по колено роботу. Она была взбаламучена взрывами, однако это не уничтожило обитателей болотца, под опорами «таргара» то и дело проскальзывали змеи и тритоны.

Канонада не прекращалась, подразделения тардионов развивали наступление, с ходу налаживая взаимодействие. Впрочем, несколько машин уже горели, а к неослабевавшему огню вражеских орудий присоединялись штурмовики «джорджо».

Правда, встречали их тоже дружно, и «джорджо» уносились прочь, роняя оснастку и куски плоскостей. Повторные заходы они делали осторожнее и на большей высоте, однако злые пушки «греев» доставали их и там, не давая сбросить бомбы прицельно.

6

Пока Джек пробирался через затопленную балку, перестрелка стала затихать, он уж было решил, что дело сделано, но, когда выскочил на берег, пушки загрохотали снова.

Сборные подразделения тардионов, перегруппировавшись, рванулись вперед – на штурм высоток, по которым теперь наносили удары «барракуды» и редкие группы стритмодулей.

Заметив своих, Джек пустил «таргара» во всю прыть, лавируя между воронками и перепрыгивая через оторванные детали подбитых роботов – эта неподготовленная атака давалась тардионам недешево.

Не добившись быстрого перевеса, тардионские роботы сделали несколько залпов ракетами, однако у противника было в избытке пэ-рэ-зе, и несколько высот в округе окутались белым дымом от разрывов ракет-перехватчиков.

После первых суматошных минут высадки тардионы окончательно оправились и, налажив взаимодействие, стали атаковать по военной науке, чередуя огонь из пушек роботов и удары с воздуха. Вскоре противник понял, что шансов удержать позиции у него нет, и предпринял отчаянную таранную атаку. Четверка средних танков вдруг выскочила из капониров и понеслась по склону, прыгая на неровностях и лихо проносясь по стенам промытых дождями оврагов. Их наступление было столь стремительно и столь блестяще выполнено, что запоздалые выстрелы по сложным целям не дали результатов и вскоре танки стали сносить недостаточно проворные «чино», «крузы» и «берги». Тяжелые машины перелетали через башни танков, словно огромные игрушки, приземляясь то набок, то вверх тормашками, то на стволы пушек.

Тонконогие «греи» успевали уступить дорогу, «гассам» же оставалось только отпрыгнуть в сторону, Джек впервые видел, чтобы такие махины скакали, словно кузнечики!

Прошли какие-то мгновения, и Джек заметил, что один из бешеных танков несется прямо на него! Ну не то чтобы сразу на него – перед Джеком еще было несколько машин пилотов его роты, но они мгновенно разбежались, даже «чино» ухитрились перетоптаться в сторону, а прикрывавший их «гасс» капитана Хольмера так и остался на месте, словно забыл, что и ему следовало спасаться.

В какой-то момент, когда столкновение казалось неизбежным, «гасс» легко, словно танцовщик, подпрыгнул, пробежался по броне пролетающего внизу танка и, уже спрыгивая с его кормы, почти в упор вогнал снаряд под основание башни.

Сверкнула яркая вспышка, брызнули обломки брони, и сорванная башня поскакала впереди танка, который, рыская по сторонам, соскочил гусеницей в глубокую воронку и остановился.

Однако битва с тремя другими танками продолжалась. Со всех сторон на них сыпались снаряды, силы были неравны, вскоре были уничтожены еще две машины, но последняя, счастливо избежав крупнокалиберных пушек, вдруг помчалась прямо на «таргар» Джека.

Тридцатитонная машина неслась, звонко постукивая траками, и никто не мог остановить этот стремительный бег, опасаясь зацепить Джека.

Совсем рядом поднялись столбы грунта от прилетевших с высоток снарядов, но «таргар» не пошевелился – Джек напряженно выжидал момент маневра танка, чтобы понять, куда бежать, однако бронированная коробка не собиралась маневрировать, и Джек чувствовал, что начинает бояться – потеть, задыхаться, что случалось с ним крайне редко. Одно дело, когда все происходит в движении, и совсем другое – стоять и смотреть, понимая, что ничего нельзя сделать, и слышать в эфире хор встревоженных голосов.

– Двигайся, Стентон! – крикнул ему Хирш, и лишь тогда Джек навел на танк перекрестие и выстрелил гранатой.

Рука дрогнула, и вместо того чтобы ударить в башню, граната сорвала правую гусеницу, отчего танк занесло влево и он почти перевернулся, на мгновение показав бронированное днище.

Капитану Хольмеру этого хватило, чтобы вклепить в днище еще один снаряд. Танк вздрогнул от удара, снова встал как положено, но с места больше не двинулся, пожираемый изнутри разгоравшимся пламенем.

7

Все высоты были захвачены, с них открывался прекрасный вид на запад, где по всему фронту, насколько хватало глаз, поднимались столбы пыли и дыма, а над захваченными врасплох фортами арконов проносилась тардионская штурмовая авиация.

Восток выглядел хуже – склоны холмов были усеяны подбитыми машинами. Некоторые были в «разобранном состоянии», другие догорали, а поврежденные еще могли передвигаться и, прихрамывая, спускались в долину, где разворачивались временный госпиталь и техпарк.

В полутора километрах позади них садилась очередная дискорама, вздымая фонтаны пыли и напрочь сдувая заросли молодого леса.

– Хирш, твоя цель – минометная батарея! Папа Рико – идешь за мной!

– Сэр, у меня ход потерян! – пожаловался старший сержант, его «гасс» едва перебирал опорами, оставляя на земле масляный след.

– Ладно, исполняй роль артиллерии... Новинский!

– Развиваю шестьдесят процентов мощности, сэр! Повреждена батарея!

– Этого хватит. У нас приказ – взять под контроль позицию «ноль-восемнадцать». Все хорошо видят ее на карте?

– Все, сэр! – отозвался Джек.

– Да, Джек, тебя я услышал... Вперед, бойцы! Не растягиваться!

До минометной батареи было две тысячи триста метров, так указывал лазерный дальномер. Батарея молчала, чтобы не выдать себя тардионским штурмовикам, которые пока преобладали в воздухе, но Джек не сомневался, что скоро она заговорит.

Не успела рота спуститься с высоток в долину, как из-за следующей гряды холмов выскочила группа «гассов» – уже сильно потрепанных, но все еще готовых сразиться с наступающими.

Одновременно проснулась минометная батарея, а в воздухе появились звенья легкокрылых «джорджо». Вниз посыпались малокалиберные бомбы, и всю долину заволокло пылью от взрывов.

Эфир снова наполнился командами и ругательствами. На выручку своим бросились несколько «барракуд», и в небе завязался бой. А на земле кучно ложились мины, и злые осколки гремели по броне, высекая искры.

Джек находился выше других машин роты и, чтобы не оставаться в стороне, открыл огонь из своей малокалиберной пушки, выбрав в качестве цели крайний, на правом фланге, арконовский «гасс».

По траекториям маркеров он видел, что попадает в корпус вражеской машины. Хотя вреда такой калибр «гассу» не наносил, Джек знал, как нервно реагируют пилоты на каждый удар по броне, ведь у тяжелой машины, при всей ее кажущейся неуязвимости, имелись и слабые места – не слишком заметные, но увы, доступные для случайных осколков и снарядов малого калибра. Поэтому Джек стрелял не прекращая, стараясь отвлечь на себя внимание вражеского пилота.

Одна за другой вражеские машины покрывались вспышками попаданий и сходили с дистанции. Казалось, время арконов сочтено и ждать помощи им неоткуда, но вдруг все небо с западного направления заполнили арконские «барракуды». Легкокрылые «джорджо» уступили им место, и на землю обрушился град двухсотфунтовых бомб.

Земля закачалась под опорами «таргара», взметнулись комья земли и облака едкой пыли. В одно мгновение все вокруг погрузилось в густую красноватую пелену. Чтобы прорвать ее, Джек прибавил ходу, надеясь там, внизу, вырваться на чистый воздух, но не получилось. В подсвеченной солнцем пелене вдруг появился силуэт хромого «гасса», и Джек сразу понял, что этот робот чужой.

«Пропустили в пыли, не заметили...» – подумал он, понимая, что противник прошел сквозь передовые порядки его роты.

Можно было уступить ему дорогу и позволить выйти на второй эшелон – авось распознают и располовинят не мешкая, однако Джек не привык уступать дорогу, он соглашался лишь на маневрирование.

Он трижды выстрелил из пушки, давая аркону понять, что все еще здесь. «Гасс» качнулся вправо и вскинул манипулятор, но Джек тотчас сместился в сторону, успев выстрелить еще дважды, а потому ухнуло орудие «гасса».

Фугасный снаряд вошел в землю под «таргаром», а затем подбросил легкую машину в воздух, и Джек, впервые за долгое время, почувствовал, что падает вверх тормашками.

Потом последовал сильный удар, и страховочные ремни больно впились в плечи.

«Фигня, и не такое случалось...» – подумал Джек, решив, что пора выбираться из кабины и ползти к своим. И не забыть захватить револьвер.

Он нажал кнопку аварийного сброса двери, но она не сработала.

«Вот свинство!» – мысленно вознегодовал Джек, чувствуя во рту привкус крови. Затем его внимание привлёк экран передней камеры и появившийся в разломе света силуэт арконской «барракуды».

Тяжелый штурмовик, как видно, потерял ориентацию и набор всех самых главных целей, но в последний момент пикирования система наведения выхватила уже поверженный «таргар», и пилот, не медля ни секунды, включил сброс двухсотфунтовой бомбы, а затем вывел машину из пике.

8

В коридоре прозвучал гонг. Джек открыл глаза и осторожно повернулся на спину, боясь побеспокоить ссадины по всему телу, которые были аккуратно заклеены огромными пластырями с мазью Яблонского.

У мази был резкий запах, напоминавший одновременно морскую рыбу и речной орех. Наверное, мухи о таком запахе могли только мечтать, но Джеку он не нравился, он вообще не мог нравиться ни одному человеку, за исключением, пожалуй, немолодой медсестры, которая ежедневно меняла Джеку пластыри и черпала мазь Яблонского из огромного пластикового ведра.

Впрочем, в палате, где лежал Джек, этой мазью мазали всех четырех пациентов, так что подобной вонюю здесь никого нельзя было удивить. Все привыкли к ней и уже не замечали.

– Але, кавалерия! Вы на завтрак идете? – спросил один из пациентов – сержант Ветлок, попавший в отделение с ожогами, полученными при объемном взрыве. Ветлок был самым активным в палате и постоянно командовал и распоряжался.

– Я не пойду... – капризным голосом пожаловался капрал Лихарь. – Опять эту манную кашу давать будут – я ее жрать не могу, в ней пенки!

– И что, так и будешь без завтрака жить?

– Нет... Я попозже в буфет схожу, у меня еще деньги остались.

– А ты, Шарсан?

– Я иду без вопросов, – сказал давно не брившийся танкист, выпрастывая из-под одеяла забинтованные ноги. Ты идешь?

– Иду... – ответил Джек, привычно попадая ступнями в тапочки.

– Как шкура? – спросил сержант Ветлок.

– Ничего вроде. Сегодня нормально разогнулся и в толчок ночью ходил – сидел ровно, а не как раньше – врастажку.

– Выздоровливаешь, стало быть. А как насчет манной каши?

– Да сколько угодно. Ее же с маслом дают, я не против.

– Вот, Лихарь, смотри, как Малой рассуждает – настоящий солдат, хотя и себя не помнит... Ладно, идем, кавалерия, только насмешки держать стойко и на провокации не отвечать, пока я не разрешу. Понятно?

– Понятно, – отозвался Джек и, придерживая полы байкового халата, потрусил следом за сержантом.

В коридоре пахло карболкой или еще каким-то дезинфицирующим средством. А еще потягивало сквозняком.

– Вы чего так медленно?! – строго спросила медсестра Агнета, плотная дама лет тридцати пяти и метр девяносто ростом.

– Извините, мадам, нездоровы еще... – пробормотал сержант Ветлок. Джек проскочил мимо дежурной сестры молча, а Шарсан улыбнулся так широко, что у него, наверное, заломило шею.

Пробежав по узкому коридору своего отделения, они оказались в большом фойе перед столовой, где накапливались все пациенты госпиталя перед тем, как войти под своды столовой – обеденного зала с высокими сводчатыми потолками.

Говорили, будто здание являлось историческим памятником и ему не одна сотня лет, но Джека это мало волновало, поскольку пациентов его отделения в столовой ожидали неприятные сюрпризы. Сами они к запаху мази Яблонского были невосприимчивы, зато все прочие жаловались на вонь, из-за которой якобы не могли есть.

«Эй, вонючки!» – кричали им все вокруг и бросались намоченным в компоте хлебом. Особенно усердствовали пациенты хирургического отделения – даже с загипсованными руками.

Лишь сидевшие за двумя самыми дальними столами оставались совершенно спокойными: это была элита госпиталя, они лечились от триппера.

9

Наконец они добрались до своего стола, и Джек сразу схватил кусок позавчерашней булки, чтобы размочить ее в блюде с вареными фруктами – это здесь называли компотом.

Вскоре через голову разносившей тарелки санитарки прилетели два мокрых мякиша. Один угодил в ножку стола, другой в стену.

– Это Лысый Румфольд... – сразу догадался сержант Ветлок, хотя из-за санитарки не видел, кто бросал хлеб. – Малой, ты готов?

– Готов, – ответил Джек, заготавливая клейкие шарики.

– Вон он, рожа лысая... Делает вид, что занят пудингом... Огонь!

Джек прикинул расстояние, посмотрел на старшую санитарку, следившую за порядком в столовой, и, метнув мякиш, попал Румфольду прямо в макушку.

От удара мякиш разлетелся в стороны, угодив в тарелки других пациентов. Румфольд с компанией погрозили «вонючкам» кулаками. Зато сержант Ветлок счастливо рассмеялся, но, поймав на себе взгляд старшей санитарки, тотчас уткнулся в тарелку, продолжая хихикать и подмигивать товарищам.

– Вот сразу видно, Малой, что ты человек артиллерийский. И недели не прошло, как ты тут образовался, а уже второе попадание по Лысому. Ты артиллерист – стопудово!

– Не факт, – покачал головой Шарсан, – он вполне мог в танке сидеть, как офицер наведения...

– Ну какой офицер, Шарсан? Ты посмотри на него – ему же лет мало! – возразил сержант.

– А чего молодой? Это что – диагноз? Видал я молодых, справлялись не хуже старых.

Со стороны терапевтического отделения прилетел вялый мякиш, но упал он на пол и развалился.

«Недомочили...» – сделал вывод Джек, смакуя рисовую кашу, которую в их военном городке подавали редко. Вот пшенной было завались, гречневую тоже подавали, правда, чуть реже. Ячневую – тоже случалось, но рисовой было мало. Он даже ходил к главному по тыловому обеспечению сержанту, интересовался, почему рисовую дают редко, а тот оторвался от журнала с девками и все свалил на мышей, дескать, они рис расхищают. На том расстались.

Новый мякиш прилетел от хирургического отделения. Он ударил сержанта Ветлока в спину, однако тот не подал виду, чтобы не доставлять противнику радости. Мало ли что там летает?

– Ты сегодня ничего нового не вспомнил, Малой? – спросил сержант.

– Нет. Но мне снилось дерево.

– Какое дерево?

– Огромное. С него сыпались листья и взлетали снегири...

- Снегири? А что это такое?
- Это такие птицы, я про них раньше где-то читал.
- Танкист он, – сказал Шарсан через какое-то время, переходя от каши к фруктовому витаминизированному пудингу.
- С какого бодуна? – не сдавался артиллерист Ветлок.
- По нему видно. Технического человека сразу видно, хоть в воду его брось, хоть в сортире утопи.
- Спасибо, не надо, – усмехнулся Джек.
- Ну это я фигурально. А ты попробуй представить электронный триплекс перед мордой и бронебойный снаряд в семьдесят миллиметров – шершавый такой, с коэффициентом аэродинамики два-и-четыре. Может, это твое?
- Танки мне понятны, – согласился Джек, переходя к пудингу.
- Да что там понятного, Малой? Броня крепка и все такое? Я же вижу, что у тебя артиллерийское мышление!
- Не напирай, сержант, – возразил Шарсан.
- Я не напирю. Я просто представляю человеку всю широту выбора. А то ты заладил – танкист да танкист. А он, может, вообще из ремонтного подразделения, так что ни нашим, ни вашим...
- Может, и так, – подумав, согласился Шарсан.
- В зале появился заместитель главврача – майор медицинской службы Броуч. Он подошел к столу «вонючек» и, слегка наклонившись, сказал:
- Молодой человек, после завтрака зайдите в режимный отдел, с вами хотят побеседовать.
- Хорошо, сэр, – кивнул Джек, привставая.
- Сидите-сидите, я же сказал – после завтрака.
- Майор ушел, за столами соседей притихли, ожидая реакции Малого, но тот лишь пожал плечами и перешел к чаю и булочке с маслом.
- Ты, Малой, не дрейфь, это дело обычное, – сказал Шарсан. – Ты ведь только неделю здесь, можешь сразу послать его подальше.
- Ну да, «подальше»! Ты ему насоветуешь, господин танкист, – покачал головой Ветлок. – Напротив, Малой, больше слушай и меньше говори, если ничего не вспоминается, а то ведь они тебя запросто в тардионы запишут – у них это быстро. Не нужно ничего выдумывать, что помнишь – говори, а не помнишь – разводи руками.

10

На стене постукивали часы с большим красным циферблатом, длинная стрелка, отсчитывая секунды, перепрыгивала с деления на деление, но делала это как-то неуверенно, нервно подрагивая перед каждым прыжком.

Сидевший за столом офицер поднял на Джека глаза и удивленно вскинул брови, как будто только сейчас заметил вошедшего и тот не стоял у двери уже целую минуту.

- Кто таков? – спросил офицер и потер выбритый до синевы подбородок.
- Я из сто двадцать второй палаты, сэр. Меня здесь зовут Малой.
- Что значит Малой?
- Просто так называли, наверное, из-за моего возраста.
- Ну а зовут-то тебя как? Имя у тебя есть? Вот меня зовут капитан Блинт Лупареску.
- А меня – пациент Малой, сэр, – ответил Джек в том же тоне.
- Так! – произнес Лупареску, вышел из-за стола и приблизился к стеклянному шкафу с множеством пробирок, бутылочек и пузырьков с надписями по-латыни.

Этот кабинет использовался им нечасто, и больничная администрация размещала здесь часть своих запасов.

– Ты латынь знаешь? – спросил капитан, бегая глазами по этикеткам пробирок.

– Не думаю, сэр.

– Вот и я не знаю. А как бы нам это сейчас пригодилось...

Капитан отошел от манящей витрины, вернулся за стол и снова посмотрел на стоявшего перед ним пациента.

– Итак – ваша фамилия, имя и место рождения, – произнес он и взялся за карандаш, готовясь записывать.

– Пациент Малой, сэр, – повторил Джек.

– Так!

Капитан положил карандаш и сложил руки на столе.

– Значит, ничего нового не вспомнил?

– Нет, сэр, если бы вспомнил, обязательно бы сказал. Можно я сяду, а то бок жжет...

– Садись, только стул отодвинь подальше, очень уж от тебя воняет...

– Это из-за мази Яблонского, сэр. Но она очень помогает.

Джек взял от стены стул, поставил на середину комнаты и сел.

– Итак, пациент Малой... М-м-м... – Капитан вдруг замотал головой, словно хлебнул слишком горячего чая.

– Что такое, сэр?

– Не нравится мне такое название. Давай как-то тебя поименуем, скажем ну... Отто Тирбах!

– А почему именно так?

– Ну, придумай свой вариант временного имени...

– Пусть будет это, сэр, вполне себе нормальное имя. Только как мы покажем, что оно временное?

– Очень просто, парень, я вот тут напишу: «так называемый Отто Тирбах». И дело в шляпе. В официальных документах ты будешь «так называемый», а в беседе просто Отто Тирбах. Годится?

– Да, сэр, большое спасибо.

– Не за что, – усмехнулся Лупареску. У него на это имя были собственные планы по улучшению эффективности своей работы. Пока же ему этой эффективности как раз и не хватало, сам полковник Кнутс сказал ему об этом два дня назад в ресторане «Гоферштейн». Полковник был сильно пьян, но излагал очень четко. Он сказал: «Блинт, ты отличный парень и можешь выпить какую угодно дрянь, даже не поморщившись, но в работе ты полный конь, в том смысле, что ты совершенно не валяешься...»

А Блинт возьми да и спроси: «Так что же делать, сэр? Как спасти положение?» На что полковник ответил: «...повысь эффективность, Блинт, а не то тебя отправят гайки крутить, ведь ты же инженер-механик...»

Блинт еще хотел что-то уточнить, но полковник Кнутс упал на пыльный ковер и не подавал признаков жизни до самого утра, и это было досадно.

Впрочем, наплевать на этого Кнутса, у Блинта Лупареску теперь был собственный план, и он собирался ему следовать.

– Ладно, Отто, зачитаю тебе обстоятельства твоего здесь появления. Не боишься?

Лупареску исподлобья взглянул на «Отто», ожидая заметить в его глазах испуг или смятение, но тот выглядел спокойным.

– Буду очень рад, сэр. От санитарок я никаких объяснений получить не смог...

– Ну тогда слушай...

Капитан Лупареску открыл папку и стал читать:

– «...во время «санитарного получаса», объявленного обеими сторонами конфликта, означенный раненый был найден бесчувственным, в обмундировании с утерянными знаками различия, которые, видимо, были сорваны взрывной волной. Поскольку в месте нахождения означенного раненого потерянной техники противника найдено не было, раненый был признан военным служащим Аркона и доставлен на место сбора с дальнейшим препровождением в означенные пункты госпитализации...»

Капитан взглянул на Джека – тот слушал его очень внимательно, однако без излишнего волнения.

– Ты все понял, Отто?

– Да, сэр.

– Тогда вот тебе бланк – подпишись в нем своим новым именем. Я только впишу своей рукой «так называемый», а ты все остальное...

– А что это за бланк, сэр, и за что я распишусь?

– Тут написано, что ты ознакомлен со своей историей – как попал сюда и все такое. Давай подходи, пока я зажал нос...

Джек встал, приблизился к капитану и, взяв из стаканчика свободное перо, подписался: «Отто Тирбах». И даже закорючку добавил, придумав ее тут же – на лету.

– Отлично... – прогундосил капитан и, поскольку у него уже кончался воздух, махнул рукой, чтобы Джек отошел.

– Ну что же, Отто, – произнес Лупареску, отдышавшись и моргнув заслезившимися глазами. – На первый раз достаточно. Ступай к себе в камеру... Прошу прощения – в палату. И лечись.

11

Оставшись один, капитан Лупареску взял подписанный пациентом бланк и, приблизив его к глазам, стал наблюдать за тем, как испарялись спецчернила, убирая дописку «так называемый» и оставляя только «Отто Тирбах».

– Есть! Получилось! – воскликнул он и, бросив бланк на стол, прихлопнул ладонью. Теперь у него имелся вполне конкретный Отто Тирбах, а не какой-то иллюзорный, то ли объявленный в розыск, то ли результат ошибки при регистрации.

На этого виртуального Тирбаха имелся кое-какой материальчик. Но если глянуть навскидку – пустая болтовня. Какой-то парень утащил с воинского склада несколько тюков рваных штанов, которые дожидались случая, чтобы попасть на фабрику по переработке тряпья. Всем на эти тряпки было наплевать, кроме этого умельца. Он договорился с транспортом, загрузил тряпье и вывез, чтобы заработать на выпивку, но в городе был остановлен полицейским патрулем.

Начались выяснения, и этот делец признался, что утащил тряпье с армейского склада. Тогда городская полиция перебрала это арконским органам – в рваных штанах копаться желающих не было, но и экономический отдел контрразведки не горел желанием погрузиться в эту тему, и постепенно дело окончательно угасло, осев в тонкой, никому не нужной папке.

И вот теперь майор Лупареску давал этим материалам новую жизнь.

В ткани, из которой шили военное обмундирование, имелся дюпоновский пластик, который использовался также для производства взрывчатых веществ, и Лупареску решил, что сможет выжать из этих тряпок капельку нектара лично для себя. Одно дело – сырье для вторичной переработки, и совсем другое – компоненты взрывчатых веществ.

В этом случае все менялось кардинально, стоило лишь добавить немного ретуши.

Фигурировавшее в документах имя злоумышленника Отто Тирбаха, конечно же, было выдуманным. Пойманный полицией делец ляпнул первое, что пришло в голову, и, если бы

дело расследовали надлежащим образом, настоящее имя было бы установлено, но, поскольку тряпки никого не интересовали, в документах по-прежнему фигурировал никому не ведомый «Отто». Так бы он и оставался плодом воображения пойманного жулика, если бы не подходящий для Лупареску случай – в госпитале оказался пациент, потерявший память, и теперь дело оставалось за малым – переделать его в «Отто Тирбаха», а потом подать начальству на блюдечке.

Конечно, начальство у Лупареску было не таким уж глупым, чтобы сожрать все, как оно есть, но ему тоже хотелось показаться с хорошей стороны перед своим начальством. Поэтому, чуть приправив это «блюдо», оно передаст его наверх, и так далее.

Выйдет из этого что-то дельное или найдется умник, который швырнет эту писанину в измельчитель для бумаг, будет уже неважно. Главное, что везде, где нужно, будет отмечено, что капитан Лупареску проявил активность. Активность! А значит, на какое-то время страшная тень аттестационной комиссии будет отодвинута.

Погруженный в анализ своей хитроумной схемы, капитан машинально перекладывал бумажки, когда дверь кабинета открылась и вошел его коллега – лейтенант Боцак.

– Привет, Блинт, – сказал он, садясь на свободный стул.

– А как насчет постучаться в кабинет старшего по званию? – со значением произнес Лупареску.

– А как насчет отдать долг в две тысячи ливров младшему по званию? – парировал Боцак с издевательской усмешкой.

– Это некорректное замечание, лейтенант.

– Зато это правда, капитан.

– Ладно, проехали, – сдался Лупареску. Денег у него с собой не было, а если бы и были, отдавать их было жалко.

Впрочем, он мог выгнать лейтенанта вон, невзирая на финансовую задолженность, однако ему очень хотелось похвастать своей находчивостью.

– Ну и что там у вас в плановом отделе? – начал он издали, зная, что лейтенант начнет жаловаться на бесперспективность службы в планировочном отделе.

– А что у нас, Блинт? Кажется, отработали план наступления – уже хорошо. А мне доверили рассчитать два средних этапа, представляешь?

– Круто. Надеюсь, генералы поняли хотя бы несколько твоих формул? Не зря же мама носила тебе на кафедру обеды?

– Я в этой конторе давно уже ничему не удивляюсь, Блинт. У тебя нет чего-нибудь выпить?

– Конечно, есть, – ответил капитан Лупареску и пробежался глазами по полкам прозрачных шкафов. Признаться в отсутствии спиртного он не мог, это было бы несолидно, но что находилось на полках, Лупареску тоже не знал, хотя некоторые из бутылочек выглядели весьма перспективно.

– Дай чего-нибудь, а то с самого утра как-то не заладилось...

И лейтенант Боцак покачал головой, демонстрируя свое состояние.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал Лупареску, поднялся со стула и, подойдя к одному из шкафов, оценивающим взглядом принялся сравнивать две бутылочки. В одной жидкость была нежно-оранжевой окраски, в другой – зеленовато-желтой.

Решительно открыв стеклянную дверцу, Лупареску взял одну из бутылочек и, вынув пробку, осторожно понюхал содержимое.

Запах был приятный, чем-то напоминал ваниль. Во второй бутылке он был порезче, но тоже ничего – напоминал лимон и слегка ромашку.

На этикетках обеих склянок значилось – «спиртовой раствор чего-то там», но основным, конечно, было слово «спиртовой».

– Есть выбор, Боцак... Ты будешь пить это или это?

Лупареску с видом хлебосольного хозяина продемонстрировал гостю обе бутылочки, и тот ткнул пальцем в лимонно-ромашковую.

– Вот эту хочу. Это что вообще?

– Это... Это то, что надо, приятель.

Лупареску взял со стола пластиковый стакан и, плеснув туда жидкость, какое-то время наблюдал, не начнется ли реакция с пластиком, однако обошлось.

– Вот, Вилли, держи свою долю...

– А ты? – спросил лейтенант, принимая стакан.

– А я... – Капитан сделал паузу, думая о том, что ему тоже следует выпить. Пусть еще слишком рано, пусть жидкость непроверенная, но ведь Боцак выпьет первым, а там, по результатам испытания, может выпить и он. А почему нет? Ведь он такую аферу прокрутил, полковник Кнутс будет счастлив.

– Я выпью следом за тобой, Вилли. Только закусона, извини, нет. Не положен он нам по штатному расписанию.

Лейтенант выпил без закусона, встряхнул головой и провел ладонью по волосам.

– Понравилось? – спросил Лупареску.

– Нектар, так его разэдак. Это что, «угандийский розарий»?

– Ну, типа того.

– Хороша штука, – похвалил лейтенант. – А ты сейчас над чем работаешь?

– Я?

Капитан вернулся к столу и, плеснув во второй стакан, убрал бутылочки обратно в шкаф.

– Я, приятель, развожу одного хитрюгу – по всем статьям тардионского шпиона, который был заслан к нам неким извращенным способом.

– О как! Это каким же? – спросил лейтенант и, достав из кармана жевательную резинку, не снимая обертки, забросил в рот.

– Щас расскажу...

Капитан выпил свою часть микстуры и зажмурился – вкус у нее был ужасный, совсем не то, что запах. Приоткрыв один глаз, он посмотрел на лейтенанта, тот держался молодцом.

– Ну, тебе, работающему... в отделе планирования, это может показаться не таким уж интересным...

– Давай, Блинт, не задерживай.

– Ну, короче, его переодели в какую-то невнятную одежонку, по которой нельзя понять – аркон это или тардион.

– И все?

– Не перебивай... Потом его ударили по башке дубиной, чтобы он окончательно потерял связь с действительностью, и вот пожалуйста – этого негодяя подобрали наши санитары и притащили в наш госпиталь, чтобы он тут собирал ценную информацию.

– А зачем его били по голове? Не проще оставить его в полном здравии, чтобы он лучше соображал?

– Конечно, лучше, – согласился Лупареску. – Но мы бы тогда сразу догадались, правильно? Поэтому они, на всякий случай, дали ему дубиной по голове и тем самым спутали все наши карты.

– А ты его данные в штаб фронта отослал?

– Кто? Я? – переспросил Лупареску и только сейчас понял, что так увлекся построением западни, что забыл о самом основном и простом действии – пересылке фотографии неизвестного субъекта и его истории в бюро контрразведки фронта, ведь там на него может храниться досье, тогда все решится за какие-то минуты или даже секунды.

Правда, при этом не будут учтены интересы самого Блинта Лупареску.

– Фотография у тебя есть?

– Конечно, есть, ты смеешься, что ли?

Капитан даже хохотнул, но не сразу вспомнил – есть ли у него фотография «Отто Тирбаха».

– Все документы в комплекте, просто я отрабатывал кое-какие версии.

– Ну и как, отработал?

– Отработал. Теперь можно и в штаб фронта обратиться.

– Слушай, налей из другой бутылки, а то я даже не понял, чего выпил, – ты мне яду, что ли, налил?

– Ага, яду. И для верности сам выпил, – усмехнулся капитан, заметив, что от стеклянного шкафа к двери пробежала мышь. – Ладно, хочешь другого яду – не вопрос. Давай свой стакан.

Забрав у лейтенанта посуду, Лупареску открыл шкаф и влил гостю полуторную порцию оранжевой жидкости, а себе налил поменьше – ему еще сегодня предстояло работать.

12

Оранжевая жидкость на вкус оказалась ненамного лучше той – первой. Лейтенант поморщился и занюхал своим кепи, а Лупареску – рукавом. Они были люди военные.

– Отправляй запрос, Блинт, пока соображаешь, а то эта дрянь, похоже, забористая... – заметил лейтенант.

– Позабористей видели, – усмехнулся Лупареску, делая вид, что ему все нипочем. – Сейчас отправлю, а ты пока вон мышек посчитай.

Капитан включил терминал и стал искать папку с документами на «Отто Тирбаха». Он намеренно собирался запустить досье с этим выдуманным именем, чтобы там наверху подольше поискали и не лезли к нему со своими советами.

– Совсем они этот госпиталь запустили... Двадцать семь мышей насчитал и двух кузнечиков. Откуда здесь кузнечики, Блинт?

– Кузнечики, они обычно... – Блинт на мгновение замолчал, отправляя данные запроса, потом снова посмотрел на лейтенанта и засмеялся.

– Ты чего?

– На твоих погонах как раз сидят два кузнечика.

– Значит, их тут больше, Блинт...

Лейтенант попытался смахнуть с себя насекомых, но у него не получалось. Кузнечиков на нем становилось все больше, а мыши выпрыгивали из стеклянных шкафов, занимая весь пол.

– Вот ведь каналы! – воскликнул капитан, поджимая ноги. Теперь он понимал тех, кто боялся этих тварей.

– Держи их тут, лейтенант, а мне нужно отлучиться по делам!

– Я буду бить их веслом! – крикнул лейтенант, запрыгивая в лодку.

– Это может продлиться долго! – предупредил Лупареску, затем выскочил в коридор, захлопнул дверь и какое-то время придерживал ее всем телом, прислушиваясь к шуму неравной борьбы, которую вел лейтенант Боцак.

Несмотря на все предосторожности, несколько мышей все же проскользнули в коридор и удивительным образом стали стремительно размножаться.

– Да пропадите вы все! – крикнул он и понесся по пустынному коридору. Уже на втором повороте капитан сумел оторваться от преследования и, заскочив в какую-то палату, захлопнул дверь, а мыши прошли косяком дальше – к кабинету физиотерапии.

Было слышно, как они переворачивали тренажеры и вгрызались в стены. Это было ужасно.

Капитан перевел дух и, повернувшись, увидел четыре каменных стола, на которых в позе лотоса восседали четыре мудреца.

«Ну что сегодня за день, а?» – подумал капитан и смахнул с лица пот.

– Здравствуй, путник, мы рады видеть тебя в пещере познания. Зачем ты пришел к нам, какая нужда заставила тебя проделать этот путь? – спросил один из мудрецов.

Лупареску низко поклонился мудрецу и уже собрался ответить тем же витиеватым слогом, когда вдруг обнаружил, что перед ним не мудрец в позе лотоса, а тот самый Отто Тирбах, которого Лупареску сам же так и назвал.

– Отто? – удивился он.

– Да, сэр, это я... – ответил Отто, садясь ровнее и надевая растоптанные шлепанцы.

– А я тебя, между прочим, уже сдал и продал! – воскликнул Лупареску. Другие мудрецы в пещере удивленно на него уставились.

– Как это, сэр? – удивился Отто.

– Я тебя подставил, недоносок! Твоя подпись была главной твоей ошибкой, придурок! Спецчернила испарились – и что осталось на бумаге?

– Что там осталось, сэр?

– Там осталась твоя подпись, придурок! Ты теперь похититель старых штанов, блин!

– Каких штанов, сэр?

– Таких штанов. Взрывоопасных. Поймал я тебя, тардионский шпион, поймал. Зачем штаны на взрывчатку переделывал, а? Взорвать нас хотел? Распылить на молекулы объединенные силы Аркона? Никогда! Слышишь?! Ни-ког-да!

Капитан так замотал головой, что услышал треск собственных позвонков.

– Никогда тебе не удастся сделать это, пока...

Внезапно вдохновение оставило Лупареску, и он замолчал, переводя взгляд с одного пациента палаты на другого.

– Так... заминка вышла, – признался капитан. – Я скоро вернусь, ждите...

С этими словами он выскочил в коридор, а в палате воцарилась тишина.

– Ну ничего себе особист допился, – первым произнес капрал Лихарь, возвращаясь к баночке со сметаной, которую принес из буфета.

– Да не просто допился, а нажрался какой-то дряни, – предположил сержант Ветлок. – Ты чего-нибудь понял, Малой, из того, что он здесь орал? Что за «Отто»?

– Это он предложил мне взять такое имя – Отто Тирбах. Я даже подписался под документом «так называемый Отто Тирбах».

– А что он про какие-то штаны плел?

– Да он и про носки мог наплести в таком-то состоянии! – подал голос Шарсан. – Говорил я тебе, Малой, назовись танкистом и поедешь к нам служить. А если потом вспомнишь чего – ну переедешь или там документы переправишь, а то ведь эти пройдохи тебя тут заключают – вон уже какого-то Отто пристраивают. Оно тебе нужно, этот Отто?

13

Достав из упаковки последнюю чистящую салфетку, Марсель огорченно вздохнул – она оказалось абсолютно сухой, а экран его монитора выглядел таким грязным, что работать за ним не было никакой возможности. Вот лейтенант Карчер, тот мог работать, даже развалившись в вонючей луже, он и брился-то, когда совсем припрет, то есть после окрика капитан Форта.

Есть окрик начальника – Карчер идет бриться, потому что второго предупреждения Форт не делал и давал пинка ботинком сорок шестого размера.

Сам Марсель этого не видел, но ему рассказывали, что в тот раз лейтенант пролетел через весь коридорчик и сломал старую тумбочку из архива. Вспомнив это, Марсель улыбнулся –

лейтенант Карчер ему не нравился, хотя тот же капитан Форт считал лейтенанта «полезным субъектом» и часто давал ответственные поручения, а Марселя почти не замечал, и это было плохо, ведь приближался срок окончания стажировки и Форт должен был дать ему какие-то рекомендации.

– Марсель, маленький ты говнюк, чего уставился на эту промокашку? Старик прихватил меня за яйца, и через час я должен принести ему бочонок меда! Где данные по четвертому потоку?

Это был Карчер собственной персоной. Он появился словно из ниоткуда, оттолкнул Марселя от его монитора и застучал по клавиатуре своими сальными пальцами.

– Так-так-так... Что это за хреновина, практикант? Ты порнушку, что ли, смотришь?

– Это музей Ордуэла, сэр. Классика второго периода, школа Шпандельфини...

– Танки-стулья-деньги-бабы... Да ты извращенец, практикант! Порнуха из каменных тел!

– Это бронза, сэр!

– Бронза?

Карчер посмотрел на Марселя так, будто тот только что сожрал сороконожку.

– Парень, да твои дела еще прискорбнее, чем я думал! Бронза, блин!

И, не ожидая ответа, Карчер принялся разрабатывать свою ветку, хотя у него имелся собственный терминал.

Марсель откатился на своем стуле на колесиках и стал набираться решимости, чтобы высказать лейтенанту свои претензии. В конце концов, у него оставалось не так много времени, чтобы привлечь внимание капитана Форты, а если еще этот монстр будет забирать драгоценное время, о каких-либо рекомендациях можно окончательно забыть.

– Сэр, а почему бы вам не пойти на свой терминал?!

– Чего? – не прекращая стучать по клавишам, спросил лейтенант.

– Это мое рабочее место, сэр, почему бы вам...

– Эй, практикант, а чего ты эту салфетку держишь? Сожрать, что ли, хочешь?

– Я... – Марсель растерялся, слишком неожиданной была эта атака. – Вообще-то я хотел протереть монитор, его как будто мухи засидели...

– Ну так протирай, в чем проблема?

– Салфетка высохла, сэр, кто-то забыл закрыть упаковку...

– Давай сюда!

Лейтенант Карчер выхватил у Марселя сухую салфетку и, плюнув на нее, быстро протер монитор. Затем вернул салфетку Марселю и как ни в чем не бывало принялся снова колотить по клавишам.

– Сэр! Но почему бы вам не вернуться за свой терминал?! – в отчаянии воскликнул Марсель, чувствуя, что его начинает подташнивать.

– Ты чего такой нудный, практикант? У меня клавиатура глючит, а ты, один хрен, без толку тут место занимаешь, бронзу, блин, рассматриваешь!

– Но у меня тоже работа, сэр!

– Какая у тебя работа?

– Я... – Марсель на мгновение растерялся, у него действительно было мало работы. В основном только проверка запросов, но они приходили очень редко, так что большую часть времени он бездельничал или кому-то помогал.

– Я собираюсь проверить запросы, сэр. А вы можете работать на терминале своего соседа – лейтенанта Блаймена, все равно его до конца недели не будет.

– Ну ты и нудный, практикант, – покачал головой Карчер и, поднявшись, перебрался за стол Блаймена. – Ну ты и нудный. Надо сказать капитану, чтобы турнул тебя отсюда...

«Ага, так он тебя и послушал...» – мысленно не согласился Марсель, однако угроза Карчера больно его уколола.

Неожиданно в комнату вошел сам капитан Форт и остановился в проходе между терминалами. Он смотрел куда-то поверх головы Марселя и, как обычно, совершенно его не замечал, но тут вдруг спросил:

– Горнел, а чем вы все время занимаетесь?

Марсель от неожиданности даже вскочил.

– Сидите, Горнел, сидите. Я лишь спросил, какую работу в отделе вы выполняете?

– Начальник практики майор Плимут дал мне задание сопровождать запросы, сэр. И еще помогать, если возникает какой-то аврал...

– И часто у нас бывают авралы?

– При мне два раза, сэр. Один раз я помогал лейтенанту Блаймену, а другой раз офицеру из тыловой службы.

– М-да, заметная помощь, ничего не скажешь. А ведь в конце стажировки вы должны получить рекомендации, не так ли?

– Да, сэр... – едва слышно пролепетал Марсель, его голос дрогнул.

– Ну, дерзайте, – обронил капитан Форт, и Марсель понял, что ничего хорошего ему ждать не следует.

Лейтенант Карчер злорадно ухмыльнулся, а оператор за соседним столом посмотрел на практиканта с жалостью.

«Ну и пусть, – с обидой подумал Марсель, – пусть они злорадствуют, пусть не дают рекомендации, я вот уйду торговать в булочную, как папенька, тогда вы поймете, как трудно обходиться без готового помочь практиканта Марселя Горнела, который, между прочим, даже жалованья не получает...»

Практикант свернул ветку Карчера, открыл свою и с ходу распахнул терминал приема, где висели три нераспечатанные депешы с запросами.

Открыв первую, Марсель какое-то время тупо таранился на расплывшуюся физиономию, отметив, что этот человек чем-то похож на его соседа – мистера Бруксворда. Бруксворд был профессиональным бездельником, жил на пособие и славился тем, что мог выпить двенадцать литров пива за четверть часа.

Бруксворда звали на все попойки, бесплатно кормили, лишь бы увидеть трюк с двенадцатью литрами пива, и это была его основная трудовая деятельность.

«Урод», – подумал Марсель, вспомнив, как застал мистера Бруксворда, когда тот «поливал» стену подъезда. Марсель тогда спешил на свидание, и ему было всего шестнадцать. Он держал в руках свой первый букет – три чахлые, пропитанные стрептоцидом розы, и пришлось ему стоять на ступенях, ожидая, пока Бруксворд извергнет все свои двенадцать литров, а потом еще перепрыгивал через зловонную лужу, прикрывая розы рукой.

Позже он преподнес их Мелани или Уинси. Точно уже не помнил. Девушка погрузила в цветы свой носик, и Марсель ожидал бури негодования, но девушке понравились и цветы, и их запах, и его дурацкая рубашка с отложным воротником... Вот именно за это Марсель себя и ненавидел, за эти отступления в служебное время! Ну какие бабы, Марсель? Какая такая юность? Ты практикант или где?

14

Переформатировав фото вора-кладовщика, Марсель вбросил его в «океан» – оперативную систему мгновенного распознавания, но, как и десятки других, эта оплывшая морда бесследно канула в его пучину.

Никто особенно не интересовался парнем, укравшим триста солдатских трусов и сбежавшим с проституткой. Пустяк это и никакая не измена.

Вторым оказался инженер-пропойца. Он промотал почти полмиллиона ливров, вложенных в обновление аппаратуры связи. Инженер продал ее в качестве лома и выручил десять тысяч ливров. Он любил свою подружку, он собирался построить для нее рай и скрылся всего за час до того, как в его кубрик наведальсь офицеры контрразведки.

Он тоже канул в «океане», поскольку запросов на него не было.

А кому нужны придурки? Все искали каких-нибудь бриллиантовых шпионов, за поимку которых можно было перепрыгнуть через два звания – прямо к бонусам в десятки тысяч ливров, а пропойцы и похитители трусов на такие бонусы никак не тянули.

Третья депеша – Отто Тирбах. Отличное название для танкера, но никакая не поддержка для теряющего последний шанс Марселя Горнела.

Едва взглянув на лопоухого парня с невыразительными глазами, практикант забросил его в «океан», и – о чудо! «Океан» вдруг зафонтанировал полусотней запросов от фронтовых, дивизионных и даже ротных поисков! Все они имели подробные оцифровки этого портрета и требовали Джека Стентона.

Одно за другим на экране возникли полдюжины различных фото, где Джек Стентон представлял то на обычных фото для документов, то выходящим из такси, то задумчиво стоявшим перед афишей.

Марсель был смущен, он не мог поверить в свалившуюся вдруг на него удачу.

– Капитан Форт! – Марсель не узнал собственного голоса. – Капитан Форт, у нас срочный вызов!

Марсель ожидал, что ему придется бежать по бесконечным коридорам, заглядывая в каждую курилку и сортир, вышибая шпингалеты и снося головой двери, но все произошло быстро и неожиданно. Капитан Форт вдруг проявился рядом с ним и, выглянув из-за правого плеча, спросил:

– Что за дела, практикант?

– Сэр, мы получили очень важный запрос!

– Вижу, практикант, не суетись... Кто этот человек, где он находится и почему такая спешка – ты понимаешь меня? Все это нужно выяснить немедленно!

– А вы не можете? – задал Марсель совсем уже идиотский вопрос.

– Я-то могу... Но где при этом окажешься ты, сынок?

– Да, сэр! Прошу прощения! – опомнился Марсель и принялся барабанить по клавишам, выискивая сопроводительный маршрут запроса, и все это время капитан стоял рядом, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на неумелого практиканта. Впрочем, несмотря на ошибки, тот действовал правильно, и вскоре на экране открылась сопроводительная информация.

«Отправитель – капитан Блинт Лупареску, контрразведка второго района, бюро военного госпиталя в Ринвезе.

Объект запроса – Отто Тирбах...»

– Вот, сэр, – сказал Марсель, отодвигаясь, чтобы капитану лучше было видно.

– Это всё?

– Да, сэр. В смысле всё – с отправителем...

Поймав сердитый взгляд капитана, он снова застучал по клавишам, ругая себя за спешку. Ну кто такой «отправитель»? Провинциал, не знающий, чего ищет. Наверное, любит выпить, мечтает о переводе «ближе к центру».

Другое дело – «потребитель». Он знает, чего хочет, он по натуре хищник.

Стараясь не замечать нависавшего над правым плечом капитана, Марсель стал выдергивать из базы данных характеристики охотников. Фронтовые, региональные, ротные – и все они знают, чего хотят.

Вскоре он узнал, что имеет дело с тардионским «подготовленным диверсантом», «лучшим снайпером» и «мастером-пилотом легкого робота».

– Ну вот, сэр, сами все видите, – сказал Марсель, снова отодвигаясь от монитора.
– Да уж вижу... – пробурчал капитан Форт, еще не зная, что ему предпринять. Слишком много охотников на одну малопонятную добычу. – Ладно, сообщу начальству. Не нравятся мне такие игры.

15

Над тарахтящими на холостых оборотах тягачами поднимались столбы дыма, а их водители, пилоты роботов и люди из команды заправщиков бегали вдоль колонны, выясняя смысл последних команд и разговаривая на языке, который был Марселю совсем непонятен.

Он сидел в тесной кабине и ждал, когда вернется водитель.

Капитан Форт послал его своим представителем, и Марсель «не отвечивал», как и приказал ему начальник. А то вдруг кто-то поинтересуется и спросит – кто, мол, таков, а ведь их отдел не имел никакого права куда-то переться и кого-то сопровождать.

Марселю заниматься всем этим было боязно, шутка ли – почти шпионство! Но Форт спросил:

– Хочешь положительный отзыв?

И Марсель сказал:

– Хочу.

– Тогда собирай манатки и вали на базу Джай-Вонг, оттуда сейчас тягачи отчаливать будут.

– А куда?

– Хрен его знает, но, скорее всего, в этот самый госпиталь...

– А что мне нужно делать, сэр?

– Просто наблюдай, потом расскажешь. В том смысле, что я жду от тебя полного отчета.

И вот уже Марсель сидел в кабине и мысленно набрасывал начало своего отчета, когда в кабину вернулся водитель – сержант Хальбурт.

– Ну все, закрутилась задница, теперь только держись, – сказал он.

– Ясное дело, – кивнул Марсель, хотя ничего ему ясно не было и он опасался какой-нибудь неприятности, вроде бомбежки тардионской авиации или прорыва бронетанковых сил противника.

Это, конечно, была глупость, ведь до линии фронта более ста километров, однако ничего более подходящего в голову Марселю не приходило, оставалось бояться того, что понимал.

Посмотрев на панель заднего вида, он увидел ковыляющих к платформе роботов.

– Ага, вот и клиенты пожаловали, – заметил водитель.

– Вы не выйдете их встретить?

– А чего их встречать? Сами не маленькие. У них вон и механики под боком...

– Зачем же мы собираем такую силу, сержант Хальбурт?

– Говорят, этот тардионский шпион очень опасен.

– Но здесь две платформы, значит, возьмут четыре робота, я правильно понял? – спросил Марсель, продолжая наблюдать за парой роботов, которые остановились и ждали, когда механики подготовят для них крепеж.

– Ты понял правильно.

– Но ведь у них пушки. Какой смысл в пушках против одного-единственного человека?

Робот ступил на платформу, и она качнулась вместе с кабиной тягача.

– Во какой тяжелый, а по виду дохлик, – прокомментировал сержант и, достав из бардачка жвачку, стал медленно ее разворачивать. – А пушки, думаю, только для страха, чтобы этот парень не вздумал и дернуться. Ну, или не попытался бежать. Эти-то ребята шустрые, вон какие опоры длинные, как у спринтеров.

– Спринтеров... – машинально поправил Марсель, глядя, как за первым роботом на платформу забрался второй и его начали стреноживать стальными тягами.

– А откуда вы узнали об этой операции, сержант? Она ведь секретная...

– Ясно дело, секретная, – согласился сержант, разжевывая зачерствленную жвачку. – Только и я непрост. У меня земляк в местном бюро кодировщиком работает, да и эти парни из штаба потрепаться любят. Так и хочется им похвалиться перед нами – рабочими людьми, как они все лихо спланировали. Педики... Вот тебе и вся секретность.

– Хальбурт, ты загрузился? – спросили у сержанта по рации.

– Почти, сэр. Обе «собаки» на платформе, сейчас грязнули их привяжут, и можно отчаливать.

– Хорошо. А пацан с пересыльного тебе там не встречался?

– Какой пацан?

– Конопатый такой – представитель бюро контрразведки...

– Встречался, сэр, – усмехнулся сержант и покосился на Марселя. – Он у меня в кабине.

– Но вот и хорошо, я боялся, что он потеряется. Присматривай за ним, чтобы не обосрался, а то нам потом не отмыться.

– Понял, сэр, – сказал сержант, и беседа закончилась.

– Кто это? – спросил Марсель.

– Капитан Урмас, начальник транспортной части базы.

– Понятно.

– Обиделся?

– Нет, – покачал головой Марсель. – Я уже понял, что тут лучше не обижаться, а то еще больше прикалывать начнут.

Сержант засмеялся.

– Тут ты прав, парень, слабину показывать нельзя.

Старший команды механиков выбежал перед кабиной и махнул рукой. Водитель махнул ему в ответ и завел двигатель.

– Ну что – поехали... – сказал он, и тягач плавно тронул платформу вместе с присевшими на полусогнутых опорах роботами.

– А пилоты остались в машинах? – спросил Марсель, когда они выезжали за ворота базы следом за таким же груженым тягачом.

– Это для них самое лучшее. Если по дороге начнется заваруха, они могут запросто сбросить стяжки и сигануть на обочину.

– Вот как? – покачал головой Марсель.

– А то! Однажды, года два назад, я еще тогда в ефрейторах ходил, вывозили мы их поближе к передовой. Мне достался «берг», мощный такой крепыш с парой пушек. И вот где-то ближе к концу пути нас перехватили тардионы – танкетки вроде, там далеко было, я не видел. А пилот «берга» их заметил и давай шарашить, да так, что платформа чуть на два колеса не встала. Но ничего – отбились. Правда, и ехали небыстро, километров тридцать в час. Жвачку хочешь?

Сержант протянул Марселю упаковку, и тот машинально ее взял. Потом развернул и положил в рот.

– Что за странный вкус? – спросил он, морщась.

– А-а! Это фирменный вкус! Жвачка из полосатой кугавы. Очень помогает в общении с женским полом, устраняет все проблемы.

– У меня и так все в порядке с этим полом... Можно я выплуну?

– Я тебе выплуну! Она по три ливра за штуку стоит! Жуй.

Слева тягач стали обгонять два грузовика с пехотинцами.

– Торопятся, как будто им не хватит, – прокомментировал сержант.

- А куда они?
- Вместе с нами, просто пыль глотать им не хочется.
- И что?
- А то. Теперь мы ее глотать будем, дорога-то грунтовая. Ох, грунтовая...

16

С завтрака Джек возвращался поздно. Он намеренно задержался утром в сортире, чтобы опоздать и не участвовать в этих идиотских перестрелках моченым хлебом. Местных можно было понять – они спасались от больничной скуки, но Джеку было не до развлечений, ведь он прекрасно понимал, чем может обернуться знакомство с местной контрразведкой. А капитан Лупареску был именно контрразведчиком, хотя и не самым умным.

Съев кашу и творог с обезжиренной сметаной, Джек решил еще раз пройтись по тому крылу, где располагался офис арконских контрразведчиков, и, слегка прихрамывая, чтобы не отличаться от спящих по коридорам пациентов, стал мысленно считать двери, чтобы не пропустить ту, за которой у него состоялся разговор с капитаном Лупареску.

Однако считать не пришлось, Джек сразу опознал дверь, которую искал, тем более что она была слегка приоткрыта.

Остановившись рядом, он присел и, делая вид, что поправляет больничные тапки, стал прислушиваться к тому, что говорили в комнате.

- Здесь были наши самые лучшие штаммы, капитан! Мы выводили их не один год!
- А какого хрена вы эти штаммы держали в шкафу, доктор?!
- А такого, капитан, что этот кабинет используется очень редко, поэтому хранить их здесь было безопаснее всего!
- Вот и оказалось, что не безопаснее. Нужно было в сейф прятать, ведь тут неподготовленный персонал бывает! Я из-за вас, майор медицинской службы, забыл вчера, что собирался сделать сегодня!
- Но тут имеется надпись!
- Какая надпись?
- Вот – «биологические яды»...
- Но я думал, это только к верхней полке относится...
- Этот относится ко всему шкафу, капитан Лупареску!

Джек распрямился и пошел прочь. Он еще не понял, к лучшему это или нет, что капитан Лупареску забыл о своих планах, но накануне вечером он выглядел сбежавшим из палаты сумасшедшим, и это сыграло Джеку на руку – все находившиеся в палате были на его стороне.

Однако просто сидеть и ждать было нельзя, ведь после беседы с Джеком капитан был обязан как-то отчитаться или отправить запрос. Разумеется, он мог этого и не сделать, но такая отсрочка была временной, и продолжать дальше играть роль потерявшего память Джек не мог. Ему следовало что-то делать. Но что?

Для начала требовалось добыть хоть какую-то информацию: где находится госпиталь, далеко ли до линии фронта и... когда, собственно, его собираются ловить? Но где взять информацию в медицинском учреждении? Наверное, что-то знает главврач, но только общие сведения, а вот что-нибудь посвежее...

– Эй, земляк, закурить не найдется? – обратился к Джеку пациент в застиранной коричневой пижаме.

- Я не курю, – покачал головой Джек.
- Жаль, очень жаль. А пять ливров не одолжишь?
- У меня нету. Совсем ничего.

– А подушками поменяться не хочешь? – настаивал незнакомец, и в его глазах появился лихорадочный блеск.

– Эй, Краузе! – крикнул появившийся из-за угла рослый санитар.

Пристававший к Джеку пациент тотчас вытянулся, как будто проглотил лом, и в таком положении затрусил прочь.

– Вот урод, а? – продолжал негодовать санитар. Поравнявшись с Джеком, он остановился. – Чего он у тебя спрашивал?

– Да все подряд...

– Это на него похоже. Болезнь у него такая – попрошайничество. Он прямо с передовой с этим диагнозом загремел.

– Да разве бывает такое? – удивился Джек.

– Выходит, бывает. Он на фронте чего только не одалживал и чем только не менялся. Пулемет закопал и забыл где. Полсотни артиллерийских взрывателей припрятал, а нашли только четыре. Ну и так далее. А ты сам-то с какого отделения?

– С общетерапевтического.

– У нас говорят – «овощетерпевтическое», – сообщил санитар и засмеялся. Джек из приличия тоже улыбнулся.

– У тебя закурить не найдется?

– Я не курю.

– А подушками не хочешь поменяться?

17

Едва отвязавшись от странного санитара, Джек спустился в полуподвальный этаж, где располагались всякие вспомогательные службы, от пошивочной мастерской, где латали истрепавшиеся халаты и пижамы, до цеха, производящего деревянные бочонки для лото.

Оказалось, что в госпитале лото пользовалось большой популярностью, и если карточки можно было нарисовать на бумаге, то фишки пациенты предпочитали только настоящие, замена утерянных на пуговицы от кальсон могла быть только временной.

Пройдя мимо множества различных дверей, миновав штабеля ящиков с разнообразными наклейками, Джек оказался перед входом на кухню, откуда в полуподвальные коридоры проникали аппетитные запахи, от которых захотелось пообедать.

Толкнув эту дверь, Джек погрузился в царство пара, шкворчащих сковородок, снующих людей в высоких колпаках и путаницы из профессиональных терминов, вроде «сироп лей в разрезе», «масло схлопнулось» или «жрать это никто будет!».

– Джинни, к тебе пришли! – крикнул кто-то, Джек даже не успел понять, с какой стороны.

– А-а, точно – это ко мне... Курт, дожарь сухари и сбрось в восьмую кастрюлю...

Из облака пара и смеси густых запахов выскочил кто-то в белом колпаке и, схватив Джека за руку, потащил за собой.

Проскочив через полдюжины дверей и миновав сотню метров сырых коридоров, Джек оказался в каком-то чулане с полками, где стояли стопки банок с рыбными консервами, а на стене, над столиком с включенной настольной лампой, тикали старые ходики с воздушными шарами, которые поднимались к потолку и тащили цепочки из легкого металла, тем самым обеспечивая ход старинному механизму.

Человек, тащивший Джека за руку, сказал: «Так, на хрен!» – и начал сбрасывать колпак, потом поварскую куртку и даже юбку, чем вызвал у Джека некоторое замешательство.

– Так! – повторила она. – Ты Отто Тирбах, правильно? Тот самый, которого мне обещал Лупареску?

– Ну... я «так называемый Отто Тирбах», – осторожно поправил Джек.

– Да мне по барабану. Пандорское рагу готовится сорок четыре минуты, паштет – час двадцать пять, итого у тебя – пятнадцать минут. Для нормальной женщины этого, конечно, мало, но для одинокой – сгодится. Так что приступай...

– Но я...

– Никаких отмазок, парень! Лупареску взял под тебя три десятка яиц, полкило маргарина и фунт красного перца. Так что соответствуй, сукин сын! Мне все должно понравиться – или Лупареску, как и обещал, тебя пристрелит...

Что было делать? У Джека не оставалось выхода, ему пришлось «соответствовать», тем более что пятнадцать минут, несмотря на повязки, он вполне мог продержаться. К тому же женщина была недурна собой, хотя имела лишний вес. Да и рост тоже...

Когда приготовление паштета подходило к концу, она оттолкнула его и сказала:

– Молодец, дистрофик, я от тебя такого не ожидала.

«Я тоже...» – мысленно ответил Джек.

– Подай мне юбку, Отто.

«Я не Отто...» – хотел возразить Джек, однако решил, что это лишнее, и юбку подал.

– Проси чего хочешь, я сейчас добрая, – сказала она, надевая вслед за юбкой все остальное.

– Мне нужны новости...

– Новости?

– Ну да, в палате скучно, хочется узнать что-нибудь интересное.

– Тогда иди на проходную, там собираются все слуги госпиталя.

– Меня интересуют события внешнего мира.

– Вот как?

Его мимолетная знакомая убрала карандаш, которым подрисовывала контуры губ, потом поправила поварской колпак и, спрятав в кармашек зеркальце, сказала:

– Внешний мир начинается с продуктового экспедитора, это он привозит новости из города.

– Большое вам спасибо.

– Меня зовут Тереза, может, еще встретимся...

– Да, Тереза, большое вам спасибо.

Джек подождал, пока Тереза уйдет, а потом сам стал по памяти выбираться из дальнего чулана.

Выйдя в центральный коридор, он стал править мимо кухни – поближе к продуктовым складам, которые располагались там же – в полуподвальных помещениях.

Он долго шел вдоль стен, подсвеченных слабенькими фонариками, пока не ощутил движение воздуха и не вышел к небольшому парку, который и раньше видел из окна палаты.

18

Парк представлял собой рощу и несколько стоянок для автомобилей и трейлеров местных служб, в основном снабженческих. Пара водителей отдыхали, развалившись в стареньких пляжных шезлонгах, двое других резались в «шонг», шлепая на табуретку засаленные карты.

Птицы пели в кронах каштанов и гадили на брошенный грузовик, оставшийся без двух передних колес. Человек в поварском халате задумчиво курил, сидя на деревянном кубе с кровавыми подтеками. В его профессии ошибиться было трудно: неподалеку в колоде торчал огромный топор с отполированной рукояткой.

Один из трейлеров еще тарахтел двигателем, из его распахнутых ворот пара грузчиков в потертых спецовках выносили ящики, коробки, блоки мороженого мяса и цельные туши овец и свиней.

За всем этим следил человек в новеньких офицерских брюках и кожаной куртке, вышедшей из моды лет пять назад.

– Так, правильно, – говорил он, сверяясь с какими-то записями и ни на мгновение не выпуская из виду вороватых грузчиков. – Давайте быстрее, у нас обед уже... Так, правильно...

Вскоре последний груз был доставлен в склад, грузчики удалились прочь, и экспедитор навесил на двери замок. Потом оглянулся и, увидев Джека, спросил:

– А ты чего здесь делаешь, доходяга? Небось спереть чего-нибудь, надумал?

– Нет, сэр, просто гуляю. Зашел в коридор и почти заблудился, а у вас, я гляжу, вон – пистолет...

– Пистолет? – переспросил экспедитор и похлопал по кобуре с оружием, имевшим слишком длинный ствол.

– Это не пистолет, приятель. Это спортивное оружие.

– Вы спортсмен?

– Был когда-то, – ответил экспедитор и вздохнул. Затем подошел к кабине и, постучав в дверь, разбудил задремавшего водителя.

– В гараж, Манфред, на сегодня ты свободен.

Водитель завел трейлер и уехал, а экспедитор достал из кобуры спортивный пистолет и поманил Джека:

– Иди сюда, приятель, постреляем...

– Так это пневматик? – уточнил Джек, подходя ближе.

– Да ты кое-что понимаешь, как я вижу?

– Немного, сэр. Стрелял как-то из пневматического револьвера в тире.

– Ну, в тире машинки попроще, а этот... – экспедитор взглянул на свое оружие и чувственно шевельнул бровями. – Этот был сделан на заказ у Майера Ланского. Слышал про такого?

– Увы, сэр, – пожал плечами Джек.

– Один из лучших мастеров современности, что касается пневматики.

Экспедитор выпрямил руку с пистолетом и спросил:

– Видишь на дереве разноцветные шарики?

– Да, сэр.

– Это я развесил сферы от пинг-понга. Здесь двадцать метров.

Экспедитор сделал три быстрых выстрела, и три шарика разлетелись вдребезги, а Джек сказал:

– Это удивительно, сэр!

– Спасибо, приятель, – ответил экспедитор, было видно, что ему приятна реакция незнакомца. – Как тебя зовут?

– «Так называемый Отто Тирбах», сэр. После контузии я ничего не помню, так что мне дали условное имя.

– Ну что же, неплохо даже для условного. Хочешь стрельнуть?

– Да, сэр.

Джек принял пистолет и, прицелившись, сделал выстрел. Пуля сбила листочек совсем рядом с шариком, и это выглядело очень правдоподобно. Помедлив еще немного, вторым выстрелом Джек едва задел синий шарик, а затем, как будто пристрелявшись, расколол красный.

– Да ты кое-что можешь, приятель! – восхитился экспедитор и обнял Джека как родного, но тот понимал, что, расстреляй он все шары, едва ли получил бы такую похвалу.

– Меня зовут капрал Стивен, я могу угостить тебя самой лучшей жратвой в этом районе. Лучшего не едят даже генералы – честное слово!

– Спасибо, сэр, но мне хватило бы чаю с пирожными.

– Ты скромный малый, – похвалил экспедитор Стивен, убирая пистолет в кобуру.

– Меня больше интересует то, что происходит за стенами этого госпиталя, сэр. Я изнываю от скуки, а еще эти повязки... – Джек покачал головой.

– Как я тебя понимаю, приятель! Я ведь и сам, вырываясь из этого затхлого болота, ловлю хоть какие-то новости – даже на дороге! Тут собаку переехали, там блондинка в открытом купе в столб впендюрилась... Дура полная! Ну ты понимаешь.

– О да, сэр.

– А обратно ехали – обогнали воинскую колонну из двух тягачей с роботами и пару грузовиков с пехотой. Они, представь себе, даже сигналили нам, дескать не смей обгонять и все такое. Дебилы, что тут скажешь.

– И давно вы их видели?

– Сорок минут назад на пересечении большого шоссе и дороги к озеру Шпрее...

Экспедитор улыбнулся и, вздохнув, сказал:

– А давай пойдем вон в ту беседку, я скажу, чтобы нам дали чаю с самыми свежими пирожными.

– Спасибо, сэр, я на такую роскошь даже не рассчитывал! – признался Джек, поглядывая на скошенный луг, где, скорее всего, начали бы высаживаться солдаты и техника, если бы решили поймать именно его.

«Может, паранойя?» – подумал он с надеждой. Но нет, паранойей тут и не пахло, все могло случиться наяву.

На быстрые и сколь-нибудь осмысленные действия у Джека оставалось десять, от силы пятнадцать минут. Невольно вспомнилась повариха с ее временными ограничениями. Так себе баба, хотя... Спасибо капитану Лупареску.

19

Пирожные были хороши, Джек это понял, еще их и не попробовав. Он бы с удовольствием съел полдюжины этих кремовых цветочков и корзиночек, но интуиция подсказывала, что времени на это нет.

– Ешь, приятель, я давно всем этим пресыщен, – разваливаясь в плетеном кресле, сообщил экспедитор.

– Могу себе представить, сэр. Но нельзя ли еще раз взглянуть на пистолет? Мне кажется, им можно любоваться до бесконечности...

– Вот оно! Наконец-то я встретил человека, который понимает настоящую красоту! Да и стреляешь ты неплохо! – сказал польщенный экспедитор и, достав пистолет, подал Джеку.

Где-то неподалеку послышался рык мощного двигателя, Джек натянуто улыбнулся.

– Очень красивое оружие, – произнес он, взвешивая пистолет в руке.

– Майер Ланский, это тебе не хухры-мухры!

«В цепь! Рассыпаться в цепь! Дистанция – четыре шага!»

– Чего это там? – спросил экспедитор, привставая, и в ту же секунду получил по голове рукоятью пистолета.

Бедняга свалился под стол, а Джек, быстро оглядевшись, перемахнул через оградку беседки и, припадая на одну ногу из-за спадавшей тапки, побежал навстречу опасности.

Добежав до кустов сирени, он присел, отложил пистолет в сторону и, скинув тапки, снял длинные, похожие на гольфы больничные носки. Ему еще предстояло побегать, и он придумал, как сделать, чтобы больничная обувь держалась лучше.

Джек подвязал носками тапки к ногам, получилось хотя и не очень красиво, зато надежно. Потоптавшись, он подобрал пневматик и стал пробираться дальше, туда, где звучали команды

и были заметны силуэты отдельных солдат, нехотя расходившихся на указанную командирами дистанцию.

Тем временем, морщась от неудобной позы, сидя верхом на кассете пушечного арткомплекта, Марсель старался не пропустить ни одной подробности, ведь ему предстояло составлять отчет.

Это теперь он был в самой гуще событий, а поначалу все грозило окончиться кабиной тягача – дальше его все равно бы не пустили, однако удалось договориться с пилотом «грея», который согласился взять его в тесную кабину.

– Да я не против, парень, ведь никакой битвы не предвидится, но сидеть тебе придется на кассете боезапаса. Сможешь?

– Смогу! – крикнул снизу Марсель, еще не представляя, на что себя обрекает.

Пилот опустил кабину, и практикант забрался туда, куда ему указывали. Первые пять минут, пока «грей» шагал через заросли, все было нормально, но потом пилоту приказали остановиться, и Марсель стал ощущать все неудобство своей позы.

– А долго мы будем тут стоять? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал обычно.

– Думаю, часа полтора... – невозмутимо ответил пилот и, сняв ботинки, закинул ноги на панель управления.

– Почему так долго?

– Так мы же здесь вроде фактора силы. Четыре машины стоят по углам воображаемого периметра, усекаешь?

– О да, – кивнул Марсель.

– Ну и вот. Пехота пошла вперед, видишь их?

– Да, сэр...

– А мы стоим и пугаем вражеского шпиона, про которого нам столько наговорили. Хотя ты знаешь, за кем мы гоняемся?

– О да, сэр... В том смысле, что я видел его фото.

– Фото – это фигня, вот если бы ты послушал, каких он дел натворил, тогда бы не кряхтел, сидя на кассете, а пребывал в шоке.

Пилот снял ноги с панели и достал из кармана сигареты.

– Закуришь?

– Я не курю.

– Я тоже не курю, но стоять вот так полтора часа тоже неохота. Я включу вентиляцию.

Пилот включил вентиляцию, однако Марселю от этого легче не стало, дыма он не замечал, а вот острый корпус кассеты, как ему казалось, должен был вот-вот разрезать его пополам.

– Сэр, а может, я пойду обратно?

– Как это? – обернулся пилот.

– Ну... Кажется, тут ничего не происходит, и мне это неинтересно.

– Да ладно, парень, может, еще постреляем... К тому же я не имею права опускать кабину.

– Почему?!

– Потому, что вражеский шпион может запрыгнуть к нам и захватить машину.

– Но это же глупости, согласитесь!

– Согласен, глупости. Но майор Тэтчер так не считает, и я так не считаю, поскольку от Тэтчера зависит моя карьера. Врубаетесь?

Пилот глубоко затаился, закашлялся и, приоткрыв бронированное окошко, выбросил сигарету наружу.

Марсель проследил траекторию падения окурка и невольно ему позавидовал, ведь окурочек теперь лежал в мягкой траве, в то время как он корячился на острой, словно нож, кассете боевого запаса. Ну зачем он согласился на это?!

– Сэр, как будто там кто-то есть, вы видите?

– Что? – не понял пилот.

– За кустом прячется какой-то человек!

– А-а, – произнес пилот, теперь он и сам увидел какого-то доходягу, который, прихрамывая, двигался к роботу. – Придурок какой-то. Смотри, как у него тапки к ногам привязаны. Наверное, у них здесь и дурка есть, как думаешь?

– Не исключено, сэр, – согласился Марсель и подложил пилотку под натруженные ягодицы.

Человек в больничной пижаме между тем приблизился к машине и стал махать руками, привлекая внимание пилота.

– Вот дурак-то. Даже не знаю, что с ним делать... Может, с майором Тэтчером связаться? Неожиданно человек в пижаме спустил штаны и начал мочиться на опору робота.

– Нет! Только не это! Я тебя пристрелю, ур-род! – завопил пилот и стал опускать кабину. – Я тебя в землю зар-рою, ублюдок!

Как только кабина коснулась стабилизаторов, пилот распахнул дверцу и с пистолетом в руке выскочил наружу.

Марсель ждал ругательств, шума и даже выстрелов, но было тихо. А затем в кабину заглянул худощавый незнакомец и сказал:

– Привет. Ты кто?

20

Марсель так удивился, что забыл про свои измученные ягодицы. Лицо человека показалось ему знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел.

– Я практикант двадцать второго участка четвертого фронтового отдела контрразведки Марсель Горнел, сэр.

– А что в кабине делаешь? – строго спросил незнакомец.

– Это для отчета, сэр.

– Для какого отчета? – переспросил незнакомец и огляделся. У него был пистолет, с которым пилот машины выскочил из кабины.

– Капитан Форт приказал, сэр. Он сказал, чтобы отчет был максимально полным.

– У тебя жопа не устала на кассете сидеть?

– Очень устала, сэр.

– Ну так вылезь, а то у тебя глаза на лоб вылезли.

– А вы меня не убьете?

– Зачем?

– Ну... Вы же Джек Стентон, правильно?

– Правильно. И что с того?

– Вы злодей, сэр. То есть я не хочу сказать, что вы плохой, но наши отметки говорят, что вы опасны...

– Только не для тебя, приятель, выбирайся и вали домой.

– Можно, сэр?

– Нужно!

Джек посторонился, пропуская практиканта, и тот облегченно улыбался, чувствуя, как «оттаивает» его измученный зад.

– Но куда вы теперь, сэр? – спохватился он, когда кабина робота уже начала подниматься.

– Я нанесу удар по штабу Аркона в Лоусоне! Я покажу им, как устраивать на меня облавы! Пусть теперь трепещут!

– О да, конечно... – пробормотал Марсель и, попятившись, наступил на брошенный пневматик.

Робот развернулся на месте – немного резче, чем требовалось. Опоры сорвали дерн, и машина зашагала в сторону шоссе. И лишь тогда Марсель увидел пилота, который лежал на траве с окровавленной головой.

– Он убил его! – воскликнул Марсель, но в этот момент пилот застонал. – О сэр! Как вы себя чувствуете?

– О-о... – снова простонал пилот и открыл глаза. – Где? Где это поганец?

– Он уехал, сэр...

– Куда уехал? – спросил пилот и, прижимая руку к ране на голове, сел.

– Он уехал в Лоусон, сэр. Сказал, что разрушит наш штаб.

– А на чем уехал? – спросил пилот и, обернувшись, застыл с открытым ртом.

– Да, сэр, он забрал вашего робота и поехал на нем как ни в чем не бывало!

– Ну так давай поднимай тревогу, болван!

– У меня нет рации!

В этот момент со стороны госпиталя послышались крики и несколько одиночных выстрелов. Потом застучали автоматы, и стало тихо.

– Что это? – спросил пилот, продолжая зажимать рану.

– Наверно, его поймали, сэр!

– Но ты же сказал, что он угнал робота! Или мой «грей» сам ускакал отсюда?

– Прошу прощения, сэр! Оставайтесь здесь, я побегу узнаю, что там происходит!

– Я с тобой... Только не слишком быстро беги, а то перед глазами все прыгает...

Вскоре они увидели с десяток солдат и капитана, руководившего всей операцией. Он стоял возле лежавшего на земле человека, которому делали срочную перевязку.

– Давайте вызывайте какого-нибудь доктора, что ли! – кричал капитан, размахивая пистолетом. – А ты, сержант, продолжай прочесывание, он должен быть где-то здесь!

– Сэр... – негромко произнес «безлошадный» пилот, останавливаясь позади капитана.

– Руйдель? – воскликнул тот, удивленно уставившись на окровавленное лицо пилота. –

А где твоя машина?

– Угнали, сэр.

– Кто?!

– Злоумышленник.

– И где он теперь?

– Прошу прощения, сэр... – произнес Марсель, выходя из-за пилота. – Он сказал, что поедет разгромить наш штаб в Лоусоне.

– Это он тебе сам сказал?

– Да, сэр.

Капитан щелкнул кнопкой рации на кармане и позвал:

– Бартецкий!

– Слушаю, сэр!

– Бартецкий, тот, кого мы ловим, завладел «греем» лейтенанта Руйделя и предположительно движется в сторону шоссе, а далее к Лоусону. Понял меня?

– Так точно, сэр! Постараюсь перехватить его возле леса!

– Давай! И захвати с собой Мацуоку, а то уж больно клиент шустрый!

– Понял, сэр.

Не успел капитан выключить рацию, как со стороны госпиталя снова загремели выстрелы и шквал пуль обрушился на солдат, окружавших кусты и деревья.

Пехота тотчас залегла, однако вести ответный огонь было трудно – неясно, где противник. А он продолжал стрелять сквозь кусты, и на залегшую пехоту густо сыпались сбитые листья и ветки.

– Что за хреновина? – воскликнул капитан, заметив, что обшивка на его бронежилете разорвана.

– Картечь, сэр! – пояснил сержант, который перевязывал раненого.

– Это... охрана... госпиталя... – с трудом проговорил сам раненый.

– А ты кто?

– Экс... педитор...

– А зачем стрелял?

– Меня... оглушили и... ограбили... Я хотел пресечь...

– Все ясно! – произнес капитан и сплюнул.

– А что, сэр, вы с ними не договорились? Охрана не в курсе? – спросил «безлошадный» пилот Руйдель.

– Руйдель, ну ты-то куда еще лезешь?! Просрал машину, а туда же!

– Извините, сэр...

– Как можно оповещать каких-то там охранников, если операция совершенно секретная!

– И этой секретности тоже оказалось мало... – пробормотал Марсель и, поймав на себе гневный взгляд капитана, уставился в траву.

Снова ударили выстрелы, и картечь застучала по веткам.

– Да остановите же их кто-нибудь! – закричал капитан. – Иначе я прикажу перестрелять этих тварей!

21

Управление в «грее» было непривычным, поначалу машину бросало из стороны в сторону, и она то и дело вспарывала землю заплетавшимися опорами, но уже метров через триста Джек начал принаравливать, хотя поворот кабины все еще давался ему тяжело – в «таргаре» она поворачивалась довольно быстро, но в «грее» дергалась как бешеная, один раз Джек едва не совершил с ней полный оборот.

Впрочем, теперь ему стало понятно, как пилоты этих машин ухитрялись сшибать из пушек даже скоростные воздушные цели. Оставалось принаровиться к скачущей по верхней полусфере прицельной шкале. Впрочем, пока что Джека интересовали наземные цели, которые наверняка должны были пойти по его следу.

Итак, противник полагает, что он пойдет в Лоусон. Но даже если и не поверит на все сто процентов, сбрасывать со счетов этот вариант не станет и отправит в погоню пару машин. Да, пару. Так надежнее, ведь они уже знают, кто он и на что способен.

Маяк был уже отключен – Джек позаботился об этом сразу, чтобы не смогли запеленговать. Рацию выключил по той же причине, хотя прослушивать переговоры противника сейчас было бы нелишним.

Наверняка арконские пилоты использовали собственный код.

«Две собаки на «плюс» тридцать градусов. Встречай».

Такого рода фразы ему не раз попадались в открытом эфире, но что толку от этого кода, если смысл слова «встречай» понятен каждому.

А «плюс тридцать градусов» – это тридцать градусов плюс какой-то довесок – еще тридцать или даже шестьдесят.

В навигаторе имелаась подробная карта – очень хорошая! Вот бы им такую в роту! Помимо высот, лесных массивов, рек и шоссе здесь имелись обозначения магазинов, заправочных станций и аптек.

Джек посмотрел на показатель заряда батарей – восемьдесят два процента. Очень хорошо. Рядом указывался возможный пробег – двадцать семь километров. Просто замечательно, если не учитывать работу прицельных устройств, зарядного механизма, а также очень

затратных «переходных процессов», когда приходилось стартовать с места и выжимать из машины максимум.

Ну, двадцать километров все равно имеется. А сколько до линии фронта? Вопрос, остающийся без ответа.

– Тише, приятель, тише... – пробормотал Джек, сбрасывая скорость машины и выводя ее на асфальт госпитальной подъездной дороги.

Комфорт и плавность хода сразу исчезли, из-под опор стали вылетать искры, однако Джеку нужны были эти триста метров по твердому покрытию, чтобы дальше, в овраге с ручьем, устроить засаду для преследователей.

Да, возможно, потом за ним увяжется целая рота или даже батальон, однако сейчас надо было избавиться от хвостов. Война есть война, даже в глубоком тылу противника.

Вдруг из-за поворота выскочил фургон. Водитель, увидев робота, притормозил, подался влево и, проехав по обочине, снова прибавил газу.

«Кастелянская служба», – успел прочитать Джек и пожал плечами. А что тут такого? Водила увидел боевую машину с опознавательными знаками Аркона и проявил уважение. Все как всегда, никаких особых эмоций. Но, разумеется, Джек нервничал и любого аркона воспринимал как угрозу.

А вот и овраг с густой, пышной растительностью. Тут и клен, и сирень, и вяз – буйство зелени и ароматов.

Джек остановил машину, глянул в экран камеры заднего вида и стал осторожно, приставными шагами двигать машину влево. Стук-стук-стук – это асфальт. Бум-бум-бум – это уже мягкий грунт с пушистой травкой.

Стараясь не повредить кустарник, чтобы этого не заметил противник, Джек стал спускаться по склону, туда, где на дне оврага журчал ручей.

Дорога рассекала овраг надвое, и под насыпью ручей пробивался в асбестовой трубе, но на выходе снова оживал, расправлял струи и бежал, если верить карте, еще двенадцать километров до впадения в небольшое озеро.

Добравшись до воды, Джек немного подождал и снова поднял машину до кромки кустов, остановив «грея» в несколько неудобном положении.

Одна его опора была подогнута, а другая, вытянутая, упиралась в берег. Тем не менее машина стояла уверенно, и Джек стал искать в листве подходящее окошко, чтобы выставить пушку и спокойно дожидаться преследователей.

22

Они не заставили себя долго ждать и уже спустя три минуты появились на прицельном мониторе. Два «грея» очень торопились, но, выйдя на открытый участок перед асфальтовой дорогой, сбросили скорость и закрутили кабинами, просеивая прицелами кусты возле оврага.

«Почуяли, мерзавцы», – подумал Джек, прикидывая, с кого начать.

По всему выходило, что с первого, он казался более активным, да и первым всегда идет тот, что получше, – тут и думать нечего.

Джек навел планку под срез ходовой пары и выстрелил. И тут же, не анализируя результатов стрельбы, перевел метку на вторую машину и выстрелил снова.

Вернулся к первому – опешившему от попадания, и снова – под срез в ходовую пару. Выстрел!

После второго попадания первый робот рухнул как подкошенный, а со вторым возникла заминка. Он поддал ходу и ринулся на другую сторону дороги, чтобы укрыться в зарослях, но Джек врезал ему два раза в тыловую часть кабины, после чего второй «грей» завалился в кусты, и что с ним было дальше, Джека уже не интересовало.

Он выждал еще полминуты, но преследователи валялись на земле, и никакой другой угрозы видно не было.

«Вот и хорошо», – подумал Джек и стал отводить машину на дно оврага.

Неожиданно по корпусу что-то щелкнуло, и он, отключив подачу, прислушался. Затем посмотрел вперед, потом в камеры заднего вида, но ничего не заметил – в зарослях на дне оврага было почти темно. Включив подачу, Джек пустил машину вниз по течению, чувствуя, как затягивает опоры крупный зернистый песок. Он сильно ограничивал скорость и, конечно, повышал расход топлива, но другого пути не было – только вниз, к озеру.

В способностях «грея» Джек не сомневался, он помнил о путешествии к вражескому форту, когда им с капралом Баркли приходилось двигаться по заболоченному оврагу – куда более неприятному, чем этот.

«Прорвемся», – сказал себе Джек и, почувствовав, что «грей» идет устойчиво, добавил скорости.

Овраг был извилист, однако дно его оказалось ровным, и Джеку не пришлось сталкиваться с необходимостью переводить малознакомую машину через мусорные запруды и валуны. Ветки разросшихся кустарников ему не мешали, а взлетавшие вдруг болотные птицы лишь поначалу пугали Джека, потом он привык к громкому хлопанию их крыльев и резким крикам.

Этот бег по дну оврага продолжался с полчаса, и скоро Джек устал – все же он был не совсем здоров. Добравшись до небольшой, намытой ручьем песчаной горки, Джек вывел робота и поставил так, что он был скрыт под нависавшими ветвями.

Опустив кабину, Джек сошел на землю и огляделся. В овраге царил полумрак и было прохладно, хотя наверху – Джек помнил это – было довольно душно.

Проверив трофейный пистолет, он удовлетворенно кивнул – у него оказалась «пятерка» с двадцатью патронами в обойме. Самое время подумать, как действовать дальше, ведь вскоре противник поймет, что ни в какой Лоусон он не пошел, а пилоты подбитых машин подтвердят, что стреляли из оврага, тогда его шансы на успех резко сократятся.

Да, он мог покинуть машину и пробираться пешком, но это было непросто в привязанных носками тапках. Требовались нормальная одежда, обувь, продукты, деньги. С пистолетом в руках можно было кого-то ограбить, но это лишний риск, да и грабить не хотелось. Даже по необходимости.

Джек вздохнул и стал обходить робота кругом. Машина была совсем новой или, по крайней мере, не участвовала в серьезных боях: на броне не было ни латок, ни шрамов от термошрапнели. Бежать бы на таком «грее» да бежать, если бы не погоня и разведывательные лаунчмодули.

Они быстро выяснят, что к чему, а дальше жди гостей, засаду или удара с воздуха.

Внезапно Джек заметил некоторую странность: на крюк-буксировщик был прицеплен какой-то трос.

Джек проследил, куда уходит стальная струна, и обнаружил мягкий контейнер на триста фунтов, а за ним на сцепке – еще один. Обшивка их была в грязи, значит, он тащил их за собой по оврагу.

Джек вздохнул и покачал головой, пытаясь представить, где и как он мог случайно подцепить эту снасть. Бред какой-то, случайно сделать это было невозможно. И тут он вспомнил про щелчок. Да, был щелчок! Как раз в тот момент, когда, подстрелив роботов-преследователей, он решил, что пора уносить ноги.

Уже не зная, что и думать, Джек спустился к первому контейнеру и, ухватившись за грязный поводок, расстегнул гидравлическую застежку по всей длине.

– Ой, кто здесь! – воскликнул вылезший из контейнера человек.

– Стоять, тварь, а то пристрелю на месте! – закричал Джек, направляя на незнакомца пистолет. Он не ожидал такого сюрприза и крепко струхнул.

– Ой, не стреляйте, господин начальник, я сдаюсь и готов написать полное признание! – так же громко завопил незнакомец и поднял руки.

– Ты кто?

– Я случайный прохожий, ехал навестить родственников, а тут облава...

– Ты чего несешь?

– А что такое?

Незнакомец впервые огляделся, выбрался из контейнера, его лицо тронула улыбка.

– Так ты не коп? – спросил он.

– А должен быть? – в тон ему спросил Джек.

– Нет! Ну их на хрен! – заулыбался незнакомец. – Зови меня Плунжер! А ты, я так понял, водитель этой байды, правильно?

– Руки не опускать! – прикрикнул Джек, снова наводя на незнакомца оружие.

– Я не опускаю, начальник, все в порядке. Я просто хочу все объяснить. Тебе же интересно, откуда здесь два мешка с дерьмом?

– Интересно, – после некоторой паузы согласился Джек.

– Ну так я тебе расскажу! Можно руки опустить? Я без оружия.

– Можно, но держи их на виду.

– Как скажешь, начальник.

Незнакомец опустил руки и снова улыбнулся Джеку, демонстрируя отсутствие двух передних зубов.

– Короче, это все Бенеш-сука виноват. Он к десяти сорока должен был подогнать трактор-бим, понимаешь?

– Нет. Что такое трактор-бим?

– Это такая небольшая байда с мотором и гусеницами. Наводится по радио. Трактор приходит, я зацепляю за него два мешка с дерьмом, и трактор херачит вдоль борозды, понимаешь?

– Нет. Вдоль какой борозды?

– Ну, почти что по этому маршруту, по которому ты уже пробежал на этой байде. – Плунжер кивнул на робота.

– То есть ты хочешь сказать, что спутал какой-то там трактор с боевым роботом, урод? – строго спросил Джек.

– Не, ну что ты сразу на личности переходишь, начальник? Ничего я не спутал, это все Бенеш-сука виноват! Я жду в десять сорок, я жду в десять пятьдесят. Я жду в одиннадцать ровно, и никакого трактора, понимаешь?

– Не очень...

– Конечно, не очень, потому что ты прыгаешь на этой байде и тебе все по барабану, въезжаешь? А Бенеш – сука.

– По делу, Цилиндр!

– Не Цилиндр – Плунжер. А по делу уже все. Твоя байда грохает в яму! Начинается стрельба, и у меня полные штаны! Я же на такие развлечения не подписывался. Бенеш говорил мне, что условия слегка изменились, но чтобы так!

– Руки держи перед собой! – напомнил Джек, вскидывая пистолет.

– Да держу, начальник! Держу! Оно мне надо – перед стволом танцевать?

– Продолжай!

– Да все уже. Увидел на байде крючок, как у трактора-бима, накинул петлю и в кузовок! А дальше ты сам знаешь – грязь, вода, лягушки...

– То есть ты хочешь сказать, что до моего появления тебя возил какой-то трактор? А в этот раз, не дождавшись трактора, ты зацепил свои контейнеры на моего робота?

– Ну да, начальник! В самую точку! Я так понял, что обстановка накаляется и пора рвать когти, ведь в мешке дерьма на триста тыщ, и половину я вложил из своих кровно заработанных! А другого транспорта, кроме байды с пушкой, вроде не предвидится, вот я за тебя и зацепился. И вижу, что не прогадал! Вижу, что ты не коп и просто хороший человек!

23

Джек задумчиво смотрел на пройдоху. Наверняка этот тип знает об окружающей обстановке больше него. Небось какой-то контрабандист или что-то в этом роде, а значит, его можно использовать в своих целях.

– Меня зовут Джек, Плунжер, я беглец.

– Ну... – Плунжер неопределенно покачал головой. – По твоему прикиду видно, что ты какой-то не такой.

– А что не так с прикидом? – уточнил Джек, хотя уже понимал, о чем идет речь.

– Ну, эти тапки, носки. Круто придумано, но...

– Что «но»?

– Все в порядке, начальник. Когда мы двинем дальше, а то у меня товар стынет?

– А что у тебя за товар? – поинтересовался Джек, ему нужно было побольше узнать о своем попутчике.

– Тебе неинтересно будет.

– Говори.

Джек наставил пистолет точно между бегающих глаз Плунжера, и тот вздохнул.

– Ну ладно, тебе-то это малоинтересно – не кинешь, если что...

– Не кину. Но мне важно знать.

– Товар там, понимаешь?

– Во втором контейнере?

– Мы называем его мешком. В мешке «шаша» – так положено называть.

– Хорошо. Что в мешке? Что ты называешь «шашей»?

– Ну... – Плунжер снова посмотрел на Джека, пытаясь угадать, захочет ли тот «сесть на хвост», то есть заставить делиться прибылью. Однако возраст Джека и его прикид говорили о том, что он в этой ситуации человек случайный и ему можно приоткрыть часть своих профессиональных тайн.

– Во втором мешке лежит двадцать дюжин пузырьков...

– С чем пузырьки?

– С «шашей».

– Подробнее...

– А я знаю? – искренне удивился Плунжер. – Там лежат пузырьки, в них товар. Я его сдам и получу деньги, а чтобы попробовать – да ну его на хрен. Там написано – «биологические яды», ну кому это надо, я вас спрашиваю?

– Хорошо, – кивнул Джек, вспоминая подслушанный разговор главврача с капитаном Лупареску. – Так ты что, наркотики переправляешь?

– Скажете тоже, господин начальник. Я товар доставляю, а уж как и кто его называет – это не мое дело...

– Ладно, я понял. Мы здесь уже четыре минуты, Плунжер, и скоро по нашему следу пустят лаунчмодули. Ты знаешь, что это такое?

– Понимаю, начальник, не дурак.

– Ну и что ты можешь предложить для того, чтобы нас не размазали гранатами?

– Бежать надо, начальник...

– Далеко?

- Еще час – не меньше.
- Через час овраг закончится, и у нас не будет топлива.
- Так и должно быть, начальник! А потом я тебе найду и топливо, и все прочее! Только давай поскорее убираться, если сюда заявятся копы, у нас с тобой совсем никаких перспектив не останется, кроме кичи! Тебе это надо?

24

Метров через двести ручей растворился в одном из заболоченных озер, которые выглядели как заросшие бомбовые воронки.

Дно оврага стало переменчивым, то сухим – с белым песком и лопухами, то покрытым мутной водой, над которой тучами вилась мошкара и вяло прыгали перекормленные лягушки.

Джек вел машину, время от времени поглядывая на экран заднего вида, где с большим трудом можно было распознать волочившийся позади груз.

Особенно хорошо он был виден в затопленных местах. Мягкие контейнеры поднимали брызги, и по ним Джек определял, что груз на месте и не оторвался.

О том, как чувствовал себя в мешке Плунжер, Джек предпочитал не думать. Возможно, дремал, а может, стонал при каждом ударе о дно.

По мере того как овраг спускался в низину, он становился мельче и безобиднее. Его песчаные берега зарастали травой, становились положе. Сверяясь с картой, Джек ожидал выхода в низину на двадцать втором километре от места старта, однако все случилось раньше. Впереди показался заросший осокой луг без возможности для маскировки, и Джек припарковал «грея» к небольшому кусту, а потом опустил кабину, чтобы хоть как-то соответствовать масштабам утлого укрытия.

Вскоре зашевелился первый контейнер, и из него выбрался Плунжер. Воровато оглядевшись, он на полусогнутых приблизился к Джеку и спросил:

– Ну и чего?

– Это я у тебя хотел спросить.

Плунжер снова огляделся и, помявшись, спросил:

– Слушай, начальник, а ты не оскорбишься, если я тебе шузы предложу? Ну, чтобы без этих – подвязок из носков?

– Я не оскорблюсь, но сейчас не это главное, понимаешь? Мы на открытом месте, если появятся лаунчмодули, нам жить десять секунд.

– Так мне нести шузы или нет?

– Неси...

Джек вздохнул и посмотрел на солнце – близился вечер. Как же ему хотелось почувствовать долгожданное состояние покоя, когда никуда не нужно бежать, куда-то высаживаться, в кого-то стрелять. И не нужно засыпать в страхе, что ночью начнут бомбить казарму, чтобы достать Джека Стентона.

В последние полгода не было ни дня, когда бы он заснул без привычного страха. Пусть иногда совсем слабенького, на первый взгляд не имевшего никаких оснований, но все же страха.

– Вот, начальник. Правда, навскидку они на пару размеров больше, но больше не меньше, правильно?

– Правильно, – согласился Джек, разглядывая новые шнурованные ботинки. – Носков нету?

– Нету.

– А куртка найдется?

– Куртка найдется, – ответил Плунжер и вздохнул. Он надеялся обойтись только ботинками.

Не дожидаясь, когда Плунжер принесет куртку, Джек снял свою больничную, оторвал у нее рукава, а потом разорвал надвое.

– Ну и что ты сделал, начальник? – спросил подошедший Плунжер, комкая в руках пехотное обмундирование.

– Носков нормальных нет, а это будут крепкие портянки.

– Не знаю такого слова, – признался Плунжер, подавая новенькие ботинки.

– А я раньше про «шашу» не слыхивал...

Расшнуровав ботинки, Джек намотал портянки так, как учил сержант-хозяйственник, и обулся. Завязал шнурки, притопнул ногами и улыбнулся. Благодаря портянкам лишние два размера почти не чувствовались.

– Куда дальше ехать, знаешь? – спросил он, продолжая рассматривать обновку.

– Тут такое дело, начальник...

Плунжер вздохнул и огляделся. Потом посмотрел на скрюченного «грея» и снова вздохнул.

– Тут в пещерку одну заглянуть требуется.

– Ну так загляни.

Джек взял у Плунжера куртку, надел и начал закатывать рукава, она ему тоже была великовата.

– Я без ствола опасаясь...

– А чего своего не завел?

– Он мне без надобности был, Бенеш всегда вовремя появлялся, а у него и ствол был. Ему-то он обязателен, а мне – нет, я на поставщика выхожу и могу запросто к копам попасться. А со стволом перспектив мало.

– У тебя куда ни кинь, везде туго с перспективами.

– Это так.

Джек застегнул куртку, достал из-за пояса трофейную «пятерку» и спросил:

– Куда идти?

– Вон там, видишь канавку загогулиной?

– До нее сто пятьдесят метров...

– И чего?

– Ничего, первым пойдешь.

– И в пещерку? – уточнил Плунжер.

– А что не так с пещеркой?

– Там однажды на перевозчика моего засаду устроили. Его положили и меня чуть не продырявили.

– Стремное место? – уточнил Джек, используя терминологию нетрезвого капитана Хольмера.

– Очень. Внутри темно, и снаружи ничего не видно, а ты у них как на экране.

– Действительно стремно. Ну пойдём, заглянем.

25

У входа в большую яму, почти закрытую разросшимся на ее краях кустарником, их никто не атаковал, и они спустились по пологому склону, на котором виднелись давнишние следы небольших гусениц.

– Вон вход... – прошептал Плунжер и смахнул пот с покрасневшей физиономии. Он волновался по-настоящему.

– Ладно, двигайся в четырех шагах позади меня, – сказал Джек, выходя вперед.

– Понял.

Они спустились к пещере, и Джек остановился у входа, не высываясь в проем и прислушиваясь.

Изнутри не доносилось ни звука, но заметно потягивало сыростью и холодком. Джек потянул носом, ему случалось улавливать самые тонкие запахи – можно было уловить даже запах оружейной смазки, но из пещеры пахло только землей.

– У тебя случайно нет фонаря? – спросил он, обернувшись.

– Да он мне без надобности...

– Понятно, – кивнул Джек и шагнул под своды пещеры.

Ничего особенного здесь не было. Заброшенный тоннель, оставшийся от давнишней разработки. С потолка свисали корни трав, пробившиеся сквозь щели в бетоне, а по стенам бежали струйки воды.

– И далеко он тянется?

– Три с половиной километра. Дальше заброшенный парк – бывшее имение латифундиста.

– Кого?

– Я не знаю. Мне так Бенеш говорил, а я вопросов не задавал. Не любил он вопросов.

– Понятно.

Джек зажмурился, затем открыл глаза и частично включил свое ночное зрение. Видеть лучше он при этом не стал, зато получалось угадывать.

Вот у стены забытый кем-то валун – величиной с арбуз, а вот коробочка из-под мятных леденцов. Джек даже почувствовал их запах.

Далее –дохлый жук, довольно большой. А за ним россыпь из дюжины стреляных гильз. Скорее всего, девять миллиметров и как будто еще свежие.

Джек стал принюхиваться, надеясь уловить запах пороха, но тут увидел какой-то мешок. Нет, не мешок... Он сделал еще пару шагов, снова настроился и... крепче сжал пистолет. Это был труп, а чуть дальше за ним –похожий на большой чемодан механизм, скорее всего, тот самый трактор-бин –электроход на резиновых гусеницах.

– Плунжер... – прошептал Джек.

– Ну?

– Двигаем наружу, только медленно...

– Понял.

Когда они оказались снаружи, Джек переложил пистолет в другую руку и сказал:

– Твой Бенеш в пещере. И транспорт его там же брошен.

Плунжер снова вытер лицо и пробормотал:

– Вот оно как, значит.

– Именно так. Кто это мог сделать?

– Фогель. Точнее, его люди.

– Конкуренты, что ли?

– Да, можно и так сказать. Они к этому доктору долго подбирались, но у них ничего не вышло, а у меня получилось.

– Главврач госпиталя?

– А ты откуда знаешь?

– Мельком слышал.

– Ну и слух у тебя, начальник, – поразился Плунжер. – И в темноте ты видишь без фонарика.

– С фонариком все же лучше.

– Ну да.

- И куда нам теперь? Мешок-то твой тяжелый – в руках не утащишь.
- Не утащишь, – согласился Плунжер. – Значит, надо ждать темноты.
- Какой темноты, парень? То, что нас до сих пор не засекли, уже чудо, понимаешь?

В этот момент, в доказательство опасений Джека, над ямой пронеслась пара лаунчмодулей. Джек толкнул Плунжера на самое дно и покатился следом за ним. Пока они падали, лаунчи успели сделать разворот и со второго захода ударили гранатами.

Глина поднялась стеной и накрыла Джека с Плунжером, присыпав сверху оборванными травами.

Кашляя и отплевываясь, они стали выбираться из мешанины земли и мусора, затем Джек сделал знак Плунжеру, чтобы тот не шумел, и какое-то время прислушивался к тому, что происходит вокруг.

– Все в порядке – улетели, – сообщил он и, поднявшись на ноги, потряс пистолет, освобождая от набившейся земли.

– А они снова не прилетят, начальник? – спросил Плунжер, отплевываясь и смахивая с себя глину.

– Не должны. Нас они не видели, а по яме отработали как по возможному укрытию. Фронтальные машины, сразу видно. Хорошо, что по роботу не ударили.

– Да. Там же весь мой товар.

Джек выбрался из ямы, посмотрел из-под ладони на куст и свернувшегося рядом с ним «грея».

– Уходить нужно прямо сейчас.

– Давай убираться, начальник! – подхватился Плунжер и стал быстрее отряхиваться.

– Давай бегом, на ходу будешь рассказывать, куда дальше двинем. И помни, у нас топлива километров на восемь максимум.

– Этого хватит, начальник! Наверняка хватит!

26

В дверь постучали, но капитан Хольмер, лежа лицом к стене, даже не повернулся. Стук повторился уже настойчивее. Его совет или разрешение требовалось многим, ведь он был командиром роты, но как же тяжел иногда бывал этот груз.

Хольмер вздохнул и, поднявшись, спустил ноги на пол.

– Войдите!

Дверь приоткрылась, и в кубрик заглянул лейтенант Хирш.

– Ты чего не сказал, что это ты?

Капитан помассировал лицо и покосился на край стола, где стояла бутылка с остатками коньяка. Последние десять дней он пребывал в жесточайшей хандре, такой сильной, что не помогал даже коньяк.

Правда, третьего дня сержант-хозяйственник угостил его солдатским ромом «Кайро». Жутким пойлом, которое из-за негуманного воздействия на людей убрали со складов еще лет двадцать назад, однако пройдохи-кладовщики припрятавали его, подделывая акты об уничтожении, а теперь понемногу сбывали налево, причем за эти двадцать лет «Кайро» сделался еще злее и резче.

Но ром закончился вчера, а после него коньяк действовал не лучше обыкновенной воды.

– Я бы тебе сразу сказал – заваливай, а то пришлось садиться и рожу массировать.

– Да я, собственно... У меня дело не срочное.

– А какое?

– Двое новеньких прибыли.

– И опять «легкие»?

– Один легкий, на «грей». А один на «гасс».

– Ну наконец-то! А то у меня скоро тяжей не останется! Все хотят балетом заниматься, а штурмовать нечем!.. Ну, это я, конечно, не тебя имею в виду, Тедди, – добавил капитан, вспомнив, что лейтенант Хирш как раз водит легкоход «грей».

– Я понимаю, сэр.

– Ну так проверь их.

– Я за тем и пришел, сэр.

– Считаю, я дал разрешение.

Капитан тяжело вздохнул и покосился на остатки коньяка. Стоит ли начинать, если он уже проспался? Ведь этого жалкого количества не хватит даже для подобия опьянения.

– Давай, Тедди, вали отсюда, – сказал он, махнув рукой. – Уведи их в дюны и дай им просрать по полной.

– Здесь нет дюн, сэр. Здесь овраги и глиняные холмы.

– Да?

– Совершенно так, сэр.

– Ну, веди в овраги. Только без этого дела, как тогда с Джеком, когда вы нарвались на «большого сато»...

Хирш улыбнулся, и капитан улыбнулся тоже. А потом они помолчали, каждый по-своему вспоминая Джека.

– Никаких новых сведений нет? – спросил капитан после паузы.

– Откуда, сэр? Я думал, что вы получаете какую-то информацию...

– Ты имеешь в виду эту коробку? – Хольмер кивнул на аппарат связи.

– Ну да.

– Нет, они как сообщили тогда, что не найден и следов не обнаружено, так больше ничего и не обновляли. У них уже полно другой работы, Тед. Их можно понять. Для нас Джек – это Джек, а для них очередная единица потерь. Статистика, блин.

Не утерпев, капитан поднялся и, схватив бутылку за горлышко, допил остатки в три глотка. Затем поставил ее на стол, посмотрел на лейтенанта и добавил:

– Нужно учиться жить без Джека. Ведь раньше как-то обходились без него, правильно?

– Обходились.

– Вот и теперь придется.

В дверь снова постучали.

– Входите, все дома! – хрипло крикнул капитан и снова сел на смятую постель.

Дверь открылась, и в помещение вошел старшина Тильгаузен.

– Час от часу не легче, – удивился Хольмер. – Ты-то откуда здесь взялся?

Старшина сразу не ответил, взял из угла стул и, поставив на середину комнаты, сел и лишь потом взглянул на капитана.

– Я, Джон, спросить пришел...

– Чего спросить?

– Третьего дня привезли «таргар». То, что от него осталось...

– И что?

– Я хотел спросить – мне его восстанавливать или как?

– С каких это пор, Берт, ты спрашиваешь у меня, что тебе делать? Что переменилось? Нам повысили оклады в десять раз или мне дали звание генерала?

Берт не спешил отвечать. Он видел, в каком состоянии командир первой роты, и не судил его строго. Они были знакомы не первый год.

– Я просто спросил, Джон, если есть пилот для «таргара», мы будем его чинить, если нет... Ну ты понимаешь...

– То есть ты таким манером пытаешься выяснить, есть ли сведения о Джеке? – угадал капитан. – Ну так я тебе скажу – никаких сведений! Ни-че-го! На месте нашли только раздолбанного робота, огромную воронку и какие-то клочки. Но клочки обмундирования, понимаешь? Никаких намеков на... на разорванное тело! Нигде! Ни рядом, ни в сотне метров, а такого не бывает! Такого просто не бы-ва-ет!

И капитан замолчал, боясь, что разрыдается. Берт тоже замолчал, глядя на оклеенную обоями стену.

– А знаешь, Берт, давай-ка ты восстанавливай «таргар», – неожиданно сказал Тедди.

– Зачем? – первым спросил Хольмер.

– Да просто так. Ведь если мы не восстанавливаем машину Джека, значит, мы его не ждем.

– А если восстанавливаем, он что же – вернется?

– Не факт. Если его взяли в плен, контракт с Арконом он вряд ли подмахнет.

– Это точно, – согласился Хольмер.

– И тогда его просто спишут из наемников. Поедет домой, только и всего. Но он обязательно нам напишет, правильно?

– Конечно, напишет, мы же ему не чужие, – поддержал лейтенанта Берт.

– Короче, так, старшина, если есть срочная работа – делайте ее, а в свободное время занимайтесь «таргаром», – предложил Хольмер.

– Ну, мы в общем-то так и делаем, с первого дня сшиваем его корпус, нового для такой машины не закажешь, это большая редкость.

– Если все сам решил, чего тогда заходил? – спросил капитан, уставившись на Тильзера.

– А вот чего, – сказал тот и, поднявшись, поставил на стол бутылку «Кайро». – Это у меня в запасах завалялась. Думал выбросить, а твой хозяйственник сказал погодить. Вот и принес.

27

Полученные от Плунжера трофейные часы показывали половину второго ночи. По шоссе, мимо кустов, в которых прятались Джек с попутчиком, то и дело проносились автомобили. Они на мгновение освещали фарами участок дороги и вновь проваливались в темноту, оставляя светиться лишь площадку заправочной станции.

Иногда на нее заруливал какой-то автомобиль, и к нему выбегал сонный рабочий.

Пять минут, и машина уносилась дальше по ночной трассе, а сонный заправщик убирался к себе в конторку.

Это была нейтральная территория, здесь не могли появиться лаунчмодули Аркона, однако это не упрощало задачу Джека. Его «грей» стоял с сухим баком, а уже один только факт появления боевой машины на нейтральной территории являлся в глазах федеральных властей тяжким преступлением.

– Эх, если бы у нас была канистра, – в который раз вздыхал Плунжер.

– Канистры нет, думай, как действовать без нее, – в который раз напоминал ему Джек. Он не ел уже двадцать часов, ему требовалось отлить, и наконец он начал понимать, что с таким перегрузом, как Плунжер, ему до своих никак не добраться. Требовалось принимать меры.

Самое простое – убить Плунжера. Но тогда Джек лишался ушей и глаз, хотя эти «уши и глаза» часто прибавляли много ненужной информации.

«Эта территория Биппера, начальник! Нам здесь не поздоровится!»

«Людей Фогеля нужно валить сразу, другого разговора они не понимают! Сколько у тебя патронов, начальник?»

Кое-как, на последних парах в баках «грея», они все же добрались до шоссе. Спасибо его конструкторам, которые создали эту машину триста лет назад. Или семьсот?

Джек уже не помнил, ему хотелось спать.

– Дай ствол, начальник...

– Зачем это? – спросил очнувшийся от дремы Джек.

– Затем, что канистры у нас нет и придется заправлять машину из колонки, понимаешь?

– И что?

– И то, блин! Заправщик может позвонить в полицию, когда увидит эту твою байду, хлюпающую его горючку!

– Но ты же говорил, что у тебя есть деньги?

– Говорил... Но ошибался. Нету денег, так что топливо придется брать нахрапом.

– То есть – грабить?

– Грабить.

– И что потом – убегать?

– Убегать. Обычное дело. Ты меня через пять километров отцепишь, и гуляй себе куда захочется...

– Ох, Плунжер! Ты доставляешь мне много проблем!

– Доставляю. Но другого выхода нет...

Джек взвесил ситуацию. Без него сдвинуть «грей» Плунжер не сможет, а стало быть, не сможет буксировать свои мешки. Значит, можно дать ему пистолет, не боясь, что из этого выйдет что-то скверное.

– Ладно, ствол ты получишь. Но для начала расскажи, как будешь действовать.

– Да проще простого! Ты спускаешься на площадку, я забрасываю тебе в бак шланг и бегу к заправщику. Засовываю пистолет ему в окошко и прошу заправить по полной. Сколько, ты говоришь, в бак влезает?

– Семьдесят литров.

– Ну вот – семьдесят литров! Давай, начальник, готовься. Давай мне ствол и спускайся на площадку!

Джек так и сделал, отдал заряженный пистолет Плунжеру и, забравшись в кабину, стал медленно выдвигать машину на заправку. Быстрее не получалось – «грей» сцеживал из бака последние капли топлива.

28

К тому моменту, когда робот поравнялся с топливной колонкой, Плунжер подпрыгивающей от волнения походкой приблизился к кассовому окошку и стал о чем-то договариваться.

Джек посмотрел на экран заднего вида. Машины все так же проносились по шоссе, их пассажиры едва ли обращали внимание на спрятавшегося под «грибком» заправки робота. Однако некий мандраж Джек все же чувствовал, ведь это была нейтральная зона, стоило только кому-нибудь звякнуть в министерство обороны, как на охоту за машиной Джека вышлют убийцу. Вроде того, который когда-то на его глазах разобрался с «гассами» арконов.

Страшный удар, яркая вспышка, и все. Никаких тебе обломков, только расходящаяся волнами копоть, отброшенная взрывной волной на десяток километров.

Плунжер махнул Джеку рукой. Тот опустил кабину, выскочил на бетон и, схватив заправочный пистолет, сунул в отверстие бака.

Семьдесят литров – копейки. Ну кто станет спорить за такие деньги перед пистолетом? Только сумасшедший.

В колонке загудела помпа, в бак полилась живительная влага. Ура, теперь путешествие продолжится!

Джек посмотрел назад, туда, где на бетонном покрытии лежали два мягких контейнера. Им еще предстояло перескочить через шоссе вместе с «греем», и Джек по-прежнему не пред-

ставлял, как Плунжер терпел все эти неудобства внутри мешка. Да, поначалу они двигались по накатанному желобу на дне оврага, покрытом мягкой грязью и густой травой, но последние полкилометра Плунжеру пришлось обходиться без дороги. Для шагающей машины отсутствие дороги пустяк, а вот для человека, лежащего в волочащемся следом мешке, – большие неудобства, если не сказать больше.

Неожиданно грянули выстрелы. Плунжер одну за другой посылал пули в кассовое окошко, и каждый выстрел отдавался у Джека болью. Ну как же так, Плунжер? Ну ты же обещал!

Но ничего уже нельзя было поделаться. Плунжер застрелил кассира, теперь за Джеком начнет охотиться вся полиция, а вместе с ней штурмовики министерства обороны.

Наполнив бак, автоматика отключила помпу, и Джек машинально выдернул шланг из горловины и забросил на колонку. Плунжер уже мчался обратно, истошно вопя: «Уходим! Уходим!»

Швырнув пистолет Джеку, он с ловкостью хорошо обученной обезьяны распахнул мешок, нырнул в него и тотчас задернул молнию изнутри, а Джек запрыгнул в кабину и включил подъем кабины, успев подумать, что теперь на оружии убийства останутся только его отпечатки, а Плунжер вроде как и ни при чем.

Однако сейчас было не до разборок. Джек включил подачу и рванул через шоссе, заставив притормозить парочку автомобилей.

Еще несколько широких шагов, и «грей» побежал под уклон, уносясь в темноту и подсвечивая себе инфракрасной фарой.

Двигаясь по карте, Джек еще с полчаса волок между холмами прицепной груз, а потом остановился возле развалин какой-то водокачки, чтобы передохнуть и высказать Плунжеру все, что он о нем думает.

Тот не заставил себя долго ждать: как только движение прекратилось, он вылез из мешка и бросился к Джеку, который уже опускал кабину.

– Ты видел?! – завопил он, как будто событие на заправке произошло только что.

– Да уж видел! – ответил Джек, собираясь с мыслями, чтобы отчитать этого дурака. – Теперь нас ищет вся полиция! Ты убил человека, Плунжер!

– Какого человека? Если бы я не стрелял в них, они бы сами пристрелили меня! Зачем мне такое нужно? Хорошо еще, что взял у тебя ствол, а то бы удавили, как котенка!

– В кого в них? – уточнил Джек, выходя из кабины.

– Ну как в кого, начальник? В людей Фогеля! Только я стал договариваться с кассиром, как вдруг замечаю, что у него глаза в кучку и он косится куда-то в сторону. Я снова – давай, мол, договоримся на топливо в долг, я, говорю, тебе в залог часы оставляю. Часы «жюстин», очень хорошие часики, между прочим. А он башкой трясет, как будто таблеток нажрался, и вдруг – раз, ныряет под свой стол, а из-за его спины вырисовываются двое человечков Фогеля! Представляешь?

– А может, это были какие-то помощники, грузчики или заправщики?

– Ну ты скажешь, начальник! Это были Гвоздь и Пепе Ретивый! Главные мокрушники Фогеля!

– Точно это были они, Плунжер? Ты ничего не перепутал?

– Где там путать было, начальник? Там либо я их, либо они меня! Спасибо, кстати, за пистолет, очень удобная машинка!

– И что теперь? Куда нам теперь двигаться?

– Не знаю, начальник, если Фогель сел нам на хвост...

– А кому «нам», Плунжер, может, это он тебе на хвост сел? Ты ведь скоро отцепляться собирался...

– А какая разница, начальник, кому он на хвост сел? Ну отцепишь ты меня с товаром, а как дорогу найдешь? А я тебе покажу тропинку до самого Тройбеля. Сам я там трейлер у знакомого в долг возьму, а тебе оттуда до войны всего два шага. Там иногда снаряды на окраину залетают, честное слово.

– А с чего ты про войну заговорил? Я же тебе ничего не рассказывал, – насторожился Джек.

– Ну, начальник, – смутился Плунжер. – Я же не совсем дурак. Ты правишь в сторону боевых действий, машину вон как здорово водишь, стало быть, для тебя это не в новинку. Я так думаю, ты к своим решил податься. Ну и дуй на здоровье.

29

К населенному пункту Тройбель, в километре от которого, если верить карте, начиналась зона боевых действий, Джек привел машину в пять часов утра.

Расстояние было небольшое, но вот дорога... Не было ни тропы, ни просеки, ни прореженного леса, только сплошной кустарник, потом немного болот и заиленных канав, а потом снова – кустарник, кустарник, кустарник.

Пробираясь сквозь эти препятствия, Джек втайне злорадствовал, что уж теперь Плунжер получит по полной, едва ли его мешки выдержат такую нагрузку, однако тот и не думал протестовать и выбрался из мешка, лишь когда Джек остановил машину в зарослях – метрах в двухстах от первых домов селения.

– Ну что, начальник, прибыли хуртомцы на автобазу? – спросил Плунжер и сладко потянулся. Джек удивленно на него посмотрел – лицо у Плунжера было заспанное.

– На какую автобазу, Плунжер?

– Да это присказка такая, не обращай внимания...

– А ты что, спишь в своем мешке?

– Конечно, а чего еще делать-то? – удивился тот. – А как ты притормозишь, сразу просыпаюсь.

– Ну, а это... Кочки и все такое. Тебя что – не трясет?

– Да трясет, конечно, только я привычный. Меня Бенеш, бывало, за трактором-бином часов по восемь мотал без остановок. Так что я привычный.

– И ничего не болит? – недоверчиво спросил Джек.

– Ну, по первости, конечно, задницу по запчастям собирал и потом по две недели валялся – ходить не мог, но потом приспособился. Профессионал я, начальник, по-другому не скажешь.

– Жрать я хочу, Плунжер. У тебя там баночки с паштетом не завалилось?

– А должна заваливаться?

– Судя по твоим ухваткам, должна, – сказал Джек, глядя Плунжеру в глаза.

– Паштета нет, начальник. Я таблетками обхожусь витаминизированными. Глюкоза и все такое. Возьмешь?

– Давай, мне выбирать не приходится.

Плунжер сходил к мешку и принес Джеку упаковку детской фруктозы «Ягодка».

– Извини, начальник, чая не предложу.

– Да я догадывался, – ответил Джек и, сорвав упаковку, одну за другой сжевал три большие таблетки. Голод как будто отступил, и Джек с облегчением перевел дух. Было бы неплохо еще и поспать часов двенадцать, но он понимал, что его приключения пока что не окончены.

– Понравилось, начальник?

– Спасибо, очень вовремя. Чего теперь будем делать? Какие у тебя планы?

– Планы простые, тебе нужно на ту сторону – через весь Тройбель.

– А тебе?

– А меня дотащи до дороги и отцепишь в кустах – дальше каждый сам по себе, если только...

– Что только?

– Если только Фогель нас здесь не дожидается.

– Так, – произнес Джек и огляделся. Кругом была непроходимая чаща, кроме просеки, что протоптал «грей». – Ну и как мы это выясним?

– Не знаю, – пожал плечами Плунжер и вздохнул. – Если рванешь через город, они могут не успеть тебя зацепить. Да и зачем им? Мой товар для них важнее, а еще важнее связи с главврачом.

– Значит, главврач?

– Главврач, – кивнул Плунжер. – Но тебе это не нужно. Пронесешься по центральной улице, и свободен. Если, конечно...

– Что конечно?

– Если Фогель не задумал твою машинку перехватить. Он бы такой красоте сразу нашел применение.

Плунжер окинул робота оценивающим взглядом и кивнул:

– Да, если у них под рукой окажется пара гранатометов, они о тебе позаботятся.

– Могут, – согласился Джек. Он понимал, что Плунжер ждет от него дополнительных гарантий собственной безопасности, оттого и пугает. Скорее всего, никакого Фогеля с его бандами в Тройбеле нет, но все действительно могло оказаться так, как он говорил.

Один выстрел из гранатомета – и хромой «грей» в зоне боевых действий станет легкой добычей для самого захудалого лаунчмодуля.

30

Джек проверил пистолет – в обойме оставалось двенадцать патронов. Этого могло хватить, если не спешить и не делать ошибок.

– Ты чего решил? – спросил Плунжер.

– Это не я решил, это ты решил. Нужно идти в разведку, чтобы выяснить, есть там какой-то Фогель или нет.

– Да, начальник, это ты правильно придумал, только с меня никакого толку, да и пистолет у нас один.

– Ты мне нужен как проводник.

– Ну, это да, это конечно... – согласился Плунжер, но как-то странно вертелся и смотрел в землю. – Но я могу просто рассказать тебе, куда идти и где...

– Эй, Плунжер! – Джек подошел к попутчику и, приставив пистолет к его подбородку, заставил поднять голову. – Что еще я не знаю про тебя? В чем дело?

– Понимаешь, начальник... – Плунжер виновато улыбнулся. – Я раньше жил в Тройбеле.

– И что?

– Я тут малость набедокурил.

– Подробнее...

– Шлялся по чужим бабам, немного приворовывал, а когда решил слинять, обокрал три самых богатых дома.

– И давно это было?

– Семь лет назад.

– Ну так они про то давно забыли!

– Не забыли, начальник, это не те люди...

– Но ты, наверное, здорово изменился, ведь так? – Джек вглядывался в лицо Плунжера, стараясь рассмотреть те отметины, которые наверняка скроют его личность перед бывшими

односельчанами. Лицо Плунжера было как дневник, в который многие сочли нужным что-нибудь записать. От себя – на память.

– Часто же тебя били, приятель...

– Чаше, чем ты думаешь, начальник, но все это пустяки по сравнению с Джони Волкером. Вот кто бил, так бил – два часа кряду. Когда ему надоело, на улице никто даже «Скорую помощь» вызывать не хотел, считали, что уже не нужно. Но обошлось. Харя потом была как подошва – ровная и твердая, но понемногу отошло.

Джек вздохнул. Плунжер вываливал на него одну проблему за другой. То влиятельный бандит Фогель, то теперь это небезупречное прошлое. Плунжер боялся этого места, он опасался выйти на улицу, ожидая, что ему в горло вцепится каждый встречный.

Паранойя, конечно, но кто знает, какие у них тут законы? Станный городишко.

– Ладно, пойдем вниз. Я буду выдвигаться первым, а ты за мной. Если что, просто присядь в траву и жди, когда я тебя вызову.

– Да, начальник, очень хорошо, это мне очень даже подходит!

– Да кто бы сомневался... – пробурчал Джек и пошел вперед, перешагивая через колючую траву и отводя ветви разросшегося кустарника.

Над землей, еще с ночи, стоял туман. Пахло прошлогодними листьями и сырой землей.

На влажной траве новые ботинки скользили, но Джек думал о другом, его занимало размещение сил противника.

Наверняка кто-то сидел в подвале, ожидая команды, несколько бойцов дремали на окраине, ожидая появления робота. Стрелки с пулеметом и гранатометами, украденными с воинских складов, дежурили на улицах – в кафе или под видом проезжих торговцев.

Плунжера здесь знала каждая сволочь, Джека – никто, поэтому следовало пройти по городу, выявить активные точки противника и... может быть, миновать их или подавить огнем, тут уж как сложится.

Представив это, Джек снова вздохнул. Он никогда не воевал с гражданскими, кроме разве что того случая вместе с Ферлином. Но тогда стрелял из револьвера один Ферлин, а Джек только наблюдал и боялся.

Спустившись с горки и пройдя метров сто, Джек заметил движение и присел. За ним присел и Плунжер.

«Человек вроде», – размышлял Джек, отмечая однообразные движения слабо различного силуэта. Он привстал, сделал еще несколько шагов и, приглядевшись, распознал сторбленную старуху, которая с утра пораньше собирала сухие ветки, чтобы растопить печь.

«Бедная женщина, – подумал Джек. – Живет одна, помочь некому, и никто не присылает ей денег».

Сам он регулярно посылал матери деньги, на которые она могла заказать хоть целый грузовик дров.

31

Подобравшись к старухе, Джек чуть помедлил, мысленно репетируя, как он к ней обратится, а когда она, подняв очередную ветку, распрямилась, сказал:

– Здравствуйте, бабушка...

– Привет, коли не шутишь, – отозвалась старуха и стала снова как ни в чем не бывало собирать сучья.

– И как вы тут поживаете в Тройбеле? – произнес Джек неподготовленную фразу. Он не ожидал, что старуха отнесется к его появлению столь равнодушно.

– Ты деньгами не богат, болтун? Пятьдесят ливров не займешь до понедельника? – неожиданно спросила старуха и, разогнувшись, уставилась на него немигающим взглядом.

– Вот тут проблема, бабушка, я сегодня совсем пустой, так уж получилось.

И для пущей убедительности Джек похлопал себя по карманам.

– А чем платить будешь? – спросила старуха.

– За что?

– За информацию.

– За какую информацию?

– А чего ты ко мне тогда подкатываешь в такую рань? Про погоду разговаривать?

– Если у вас действительно нет денег, дайте мне свой адрес, я вам пришлю сто ливров, и не в долг, а просто так.

Взгляд старухи немного оттаял. Она поправила на голове сбившуюся вязаную шапку и, сбросив на землю собранный хворост, стала вязать его кожаной веревкой.

– Пистолет у тебя есть? – спросила она, не прерывая своего занятия.

– Есть, – ответил Джек, понимая, что соврать все равно не удастся.

– Поможешь мне, я дам тебе точную информацию.

– А о чем информация?

– Да обо всем. Ты, главное, дело сделай...

– А какое дело?

Старуха забросила вязанку на спину и бросила испытующий взгляд на Джека:

– Соседа моего пристрелишь, вот и вся задача. Для тебя пустяк, ты здесь человек прохожий.

Джека такое предложение огорчило, однако он не подал виду, понимая, что с ходу отказываться нельзя.

– Ну хорошо, бабушка, как скажете.

– Тогда двигай за мной, пока солнце не вышло. Может, еще сонным его застанешь – так-то оно проще. Да и гуманнее, как думаешь?

– Проще, – согласился Джек, не решаясь обернуться, чтобы посмотреть, идет ли за ним Плунжер.

Несмотря на свою кажущуюся немощь, старуха двигалась весьма проворно, хотя никакой тропы здесь не было. Поначалу Джек хотел даже помочь ей донести дрова, но в зарослях она управлялась не хуже него, и вскоре они уже шли по окраинной улочке, мощенной скользким, вытертым булыжником.

– Хорошо тут у вас, воздух сырой, дымком пахнет... У меня дома такой же запах, по крайней мере в пустоши. А на холмах другое...

Старуха не ответила, только зыркнула на него строго и, подбросив вязанку, продолжила путь, глядя строго перед собой.

Джек пожал плечами. Ну не получается у него завести с ней разговор. Может, позже удастся?

С обеих сторон улицы поднимались высокие заборы, а за ними дремали каменные дома с узкими, закрытыми ставнями окнами.

Где-то уже проснулись, было слышно, как хлопают двери хозяйственных построек. В других местах было тихо, спали даже собаки.

– Ты в шахматы играешь? – спросила вдруг старуха, когда они подходили к дому с покосившимся забором.

– Вообще-то я не очень... – признался Джек, пока старуха открывала калитку.

– Да ну и хрен с ними, это я так – к слову.

Они вошли во двор, старуха сбросила дрова у побеленной стены дома и, разогнувшись, сказала:

– Готовь пистолет, спит он. Вон, даже собака не брешет.

– А за что вы его убить хотите?

- Да надоел он мне, давно рядом живем. Хочется какого-то обновления, понимаешь?
- А вы мне водички не дадите?

Старуха неодобрительно покачала головой, понимая, что ее новый знакомый не слишком уверен в себе.

– Сделаешь дело – получишь воды. Хватит крутить, парнишка, назвался трубочистом – полезай в трубу.

32

Собаки во дворе видно не было. Джек бросил взгляд на хозяйственные постройки, но оттуда не доносилось ни звука. Дверь дома, как и предупреждала старуха, была открыта – здесь никто не запирался.

- Эй! – позвала она. Джек обернулся. – Помни, первый – в грудь, второй – в голову!
- Да понял я, понял! – махнул на нее Джек, и старуха спряталась за каменной изгородью.

Подойдя к крыльцу, Джек прислушался. Где-то рядом раздавался негромкий храп – должно быть, хозяин спал сразу за дверью. Джек стал подниматься по некрашеным ступеням – одна, другая, третья... Храп становился все громче. Оружие Джек на всякий случай взял на изготовку, но стрелять в какого-то незнакомого ему человека не собирался. Просто нужно было что-то делать, как-то выкручиваться, и он лихорадочно соображал, но пока, должно быть, из-за нерегулярного питания, в голову ничего дельного не приходило.

Внезапно храп оборвался, и одновременно с этим Джек почувствовал, что на что-то наступил. Опустив глаза, он увидел развалившегося перед дверью лохматого пса, который, приоткрыв один глаз, следил за незваным гостем.

Джек замер. В его воображении пронеслись картины с щелканьем клыков, частыми выстрелами, катающимися по земле клубками из людей и собак, но... Когда он убрал ногу с хвоста пса, тот сладко зевнул, положил голову на лапы, и послышался уже знакомый Джеку храп. Оказывается, храпела собака!

Переведя дух, Джек перешагнул через спящего стража, осторожно тронул дверь, и та открылась без скрипа на заботливо смазанных хозяином петлях.

Проскользнув в прихожую, Джек притворил дверь и прислушался. Звуков не было, даже легкого храпа, однако он почувствовал запах хорошей еды. Еще несколько шагов вправо – и открылась кухня, где находилась большая печь, в которой, без сомнения, что-то еще осталось.

Чувствуя, как голод жилистыми пальцами сдавливает его пищевод, Джек пошел на запах пшенной каши и нашел ее, еще теплую, в металлическом котелке, испачканном сажей.

Несколько минут Джек, без единой мысли в голове, жадно ел кашу, зачерпывая ее руками, потом, придя в себя, вытерся рукавом и вернулся в коридор.

Дом оказался куда больше, чем выглядел снаружи, пришлось сделать несколько поворотов, прежде чем Джек почти на ощупь нашел спальню хозяина.

Старая кровать с балдахином, подслеповатый ночник, настойка шиповника в бутылочке и старый механический будильник. Ну на хрена ему будильник?

Джек прошел мимо прикроватной тумбочки и остановился возле дверного проема, где и нашел хозяина, стоявшего перед дверью с занесенным над головой старым бронзовым подсвечником.

- Складывалось впечатление, что он кого-то ждал. Джек ткнул его в спину пистолетом:
- Прошу прощения, сэр...
 - Слушаю вас, – отозвался тот, опуская подсвечник.
 - Не подумайте, что я хочу в вас стрелять, сэр.
 - Мне бы этого очень не хотелось...
 - Просто я оказался в затруднительном положении, сэр...

– Это Эльвира? Это она сказала вам, чтобы вы убили соседа?

– Ну да, мне показалось, она немного не в себе... Но если бы у вас нашлось пятьдесят ливров, мы могли бы уладить дело. А я вам их потом верну, и даже не пятьдесят, а целую сотню – дайте мне только ваш адрес...

– Я могу повернуться?

– Конечно, – разрешил Джек.

Хозяин медленно повернулся, затем зажег в спальне свет.

– Да с вами, я вижу, можно договориться, – сказал он. – Но у меня в доме найдется только пара ливров. Через неделю получу целых сто пятьдесят, но сейчас ничего нет.

– Что же делать? – искренне огорчился Джек. Ему хотелось откупиться от сумасшедшей старухи и получить нужную ему информацию. И поскорее.

– Я знаю, что делать, – сказал хозяин дома. – Мы наведаемся к моему соседу – камраду Бенингу, и я займу у него пятьдесят ливров. Я еще ни разу ни просрочил долг, поэтому он мне даст.

– Но... – Джек посмотрел на дверь.

– Нет-нет, мы выйдем через верандное окно, Эльвира ничего не заметит.

33

Доверившись старику, Джек проследовал за ним через темные комнаты, и в конце концов они оказались на веранде, где хозяин поставил табуретку, взобрался на нее и, распахнув окно, шагнул в темноту. Как подумалось Джеку, он должен был рухнуть вниз, однако с другой стороны была приставлена стремянка, по которой старик благополучно спустился на землю.

– Спускайтесь, я подам вам руку! – сказал он откуда-то снизу, и Джек на ощупь тоже спустился по лестнице.

Вообще-то старик запросто мог сбегать и поднять шум, однако он, как будто угадав мысли Джека, сказал:

– Я вам доверяю, молодой человек. Если бы вы хотели меня убить, вы бы это уже сделали, ведь вы солдат, не правда ли?

– Вроде того, – сказал Джек.

– Я так и думал. Знаете, вы не первый, кого Эльвира посылает избавиться от меня, но обычно все попадали под подсвечник, и только вы зашли в спальню через другую дверь.

– А почему она к вам так относится? В чем причина? – спросил Джек, следуя за стариком к каменной изгороди.

– Причина в далекой молодости, но это было так давно, что я уже забыл. Мы тогда были молодыми, у нас были семьи, дети...

– Вас связывают давнишние отношения? – спросил Джек, но старик не ответил.

– Оп! – сказал он. – Вот мы и пришли.

Он пошарил руками по каменной стене и, нащупав ступени, стал подниматься.

– Полагаю, Роберт уже не спит. Обычно он встает рано...

Спустя пару минут они уже стояли под стеной дома на соседнем участке. Где-то в сарае глухо крикали утки, а на другом конце городка лениво перелайвались собаки.

– Роберт, выглянь в окно, у меня к тебе дело!

Джек думал, что еще слишком рано и никто не выглянет, но вскоре распахнулась створка и появилась чья-то голова.

– Привет, Карвид. Доброе утро.

– Привет, Роберт.

– Чего приперся в такую рань?

– Ты же не спишь, ведь так?

– Да, кофе пью.
– Ну так дай мне пятьдесят ливров.
– С чего это тебе приспичило?
Голова в окне пошевелилась.
– Внучок приехал, нужно угостить как следует.
– Ни хрена себе внучок! На полсотни ливров!
– Ну так дашь, хрен старый, или будешь здесь завывать, как коррота?
– Как коррота завывать не буду, Карвид. Но таких денег в доме нет. Зато я знаю, где достать. Сидите пока тут, а я к Прифусу смотаюсь. У него с вечера племянник из города появился с друзьями. Уж у них-то Прифус денег найдет... Ждите, я скоро.
– Нужно подождать, – сказал Карвид и присел рядом с Джеком на зацементированную завалинку соседского дома.
– А вы здесь кур не держите? – спросил вдруг Джек.
– Нет, вот разве что уток... Но утки совсем не то, что куры.
– Совсем не то, – согласился Джек и вздохнул. Что сегодня дадут на завтрак в их военном городке? Хорошо бы закончить все поскорее, да и рвануть к себе в часть. То-то все удивятся! Представив физиономии лейтенанта Хирша и капитана Хольмера, Джек улыбнулся.

34

Перемахнув через невысокую каменную стену, Роберт коснулся ногами перевернутой бочки и, соскочив на землю, засеменил к дому соседа.

Из-под стоявшего на сваях свинарника гавкнула собака. В свинарнике завозились свиньи, толкнув пустую с вечера кормушку, и снова стало тихо.

Роберт дошел до стены, наступил на что-то скользкое и остановился.

– Ах ты, собачье дерьмо! Так и есть! Прифус! Просыпайся, морда волосатая! Прифус! – закричал он с досадой.

Под самой крышей распахнулись створки узкого окошка, и наружу выглянул бородатый Прифус.

– Чего орешь? – сипло спросил он и зевнул так, что, кажется, завибрировали деревянные стропила.

– Ты чего наверху-то? – удивился Роберт, запрокидывая голову. – Жена-то где?

Он знал, что Прифус при случае ночевал у кухарки, которая жила в небольшой каморке под крышей и помогала жене Прифуса по хозяйству. Но на такие подвиги Прифус решался, только когда жены не было дома – обычно она уезжала на праздники к родственникам. Однако сейчас никаких праздников не было, значит, и жена никуда не уехала. Тогда как он оказался наверху?

– Да спит она, вчера наливки нарезалась, которую я же ей и поднес...

Прифус хохотнул и почесал бороду.

– Ты чего приперся-то?

– Чего-чего... В дерьмо собачье вот вляпался. Ты чем своего пса кормишь, пареной репой, что ли? Весь двор засран!

– Не выдумывай, Роберт! Ботусин тут ни при чем. Это вчера гуси из загона вырвались, пока загнал обратно, весь двор успели изгадить. А все Гектор, это он столбики посбивал и всю загородку повалил до последнего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.